

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

ВИЛМА КАДЛЕЧКОВА

МИЦЕЛИЙ
ЯНТАРНЫЕ ГЛАЗА

Звезды научной фантастики

Вилма Кадлечкова

Мицелий. Янтарные глаза

«Издательство АСТ»

2013

УДК 821.162.3
ББК 84(4Чех)

Кадлечкова В.

Мицелий. Янтарные глаза / В. Кадлечкова — «Издательство АСТ», 2013 — (Звезды научной фантастики)

ISBN 978-5-17-139479-0

Через пятьдесят лет после первого контакта с древней теократической цивилизацией өссеан земляне безуспешно пытаются смириться с их менталитетом, ради невероятных мицелиальных технологий закрывая глаза на кровавые жертвоприношения, грибные споры, проникающие в вены, и ритуальные снадобья, способные полностью сломить человеческую волю. Ёссенский религиозный фанатизм, их обычаи, язык, культура постепенно изменяют земное общество. Лукас Хильдебрандт, долгое время бывший послом на Ёссе, понимает, что вскоре процесс станет необратимым и Земля полностью утратит свою независимость. Он ищет силу, способную противостоять власти инопланетян, и находит ее, но у той есть свои планы. И плата за них будет очень жестокой.

УДК 821.162.3

ББК 84(4Чех)

ISBN 978-5-17-139479-0

© Кадлечкова В., 2013

© Издательство АСТ, 2013

Содержание

Вилма Кадлечкова	5
Благодарность	6
Гёмершаул	7
Глава первая	7
Глава вторая	14
Глава третья	23
Глава четвертая	34
Глава пятая	43
Глава шестая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Вилма Кадлечкова
Мицелий. Янтарные глаза

Mycelium. Jantarové oči, 2013

Copyright © Vilma Kadlečková

© Софья Токаревских, перевод, 2022

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Благодарность

Отдаю почести всем жертвам ёсенских грибов – своим любезным и безжалостным бетаридерам, без поддержки и замечаний которых эта история и дальше существовала бы как слой сведений в протонации вместо того, чтобы конденсироваться в виде слов на бумаге или экране.

Помогли мне прогрызть путь сквозь мицелий до самого дна следующие люди: Каролина Францова, Санча Филле, Виктор Яниш, Ондржей Миллер, Рихард Поданы, Зденек Рампас. Спасибо! И особенная благодарность моему мужу, Мартину Климу, за то, что за одиннадцать лет, пока я с переменным успехом и перерывами писала эту книгу, он не выставил меня с моей бандой инопланетян за дверь.

Вилма К.

* * *

Пять священных веществ. Пять уровней на пути к Озарению – самому прекрасному и самому страшному, что принесла цивилизация ёсеан на планеты людей. *Гёмершајл*, поттерронски называемый *Янтарные глаза*, проломит барьеры сознания. *Лаёгјр*, *Лед под кожей*, сосредоточит мысли на далекой цели. *Ќкрё*, *Падение в темноту*, уничтожит пламенем все, что было; а *янтрјјн*, *Видение*, откроет дверь в новый мир и новую реальность. И, наконец, к душе взовёт *рăвё*, *Голоса и звезды*, – и объединит хаос сомнений в единое и единственное целое, в *Космический круг Совершенного Бытия*.

Такова вера ёсеан.

Однако существуют и другие. Люди, как Лукас Хильдебрандт, которые хоть и понимают, чего от них хотят, но все равно ни за что не сделают этого, как положено. *Космический круг Совершенного Бытия* они принципиально называют *Комическим духом Откровенного Нытья*; а вместо того, чтобы идти навстречу Богу, упорно бредут в обратном направлении.

Для них это самый настоящий ад. Или как минимум борьба за жизнь.

Пять уровней неволи, зависимости, безумия.

Гёмершаул

Глава первая Таинство далекозерцания

«Самые важные вещи происходят втайне», – говорили на Ёссе, и Лукас Хильдебрандт эту поговорку знал. Его глаз был наметан на непримечательные мелочи, которые могли повлиять на целый мир, и эта тоже не осталась незамеченной: на первый взгляд, незначительное событие, скрытое за суетой вокруг возвращения колонистов с Д-альфы. Пока медианты в поте лица пытались заслужить свою зарплату и заполняли все каналы нетлогов громкими заголовками вроде «Обнаружен новый ГУЛАГ», «Незаконные действия Совета по исследованию космоса», «Д-альфа открывает свою страшную тайну», – он был на несколько шагов впереди и стучал в совсем другие двери.

Двери эти – портал из нержавеющей стали, полированного титана и свинцового стекла – выглядели торжественно, как и положено в административном районе. Однако хватало всего одного взгляда на размашистые и легкие, воздушно-атектоничные черты здания, чтобы понять, что это точно не банк и не ведомство, да и вообще не что-либо человеческое. Ёссенский стиль, который метко прозвали *пришельческой готикой*, гарантированно отпугивал всех финансистов, менеджеров и юристов – разве захотелось бы судебной фирме иметь офис в храме?

Лукас Хильдебрандт невольно вздрогнул от отвращения, входя сквозь роскошные двери в круглый зал с приглушенным светом, и его рука так же невольно потянулась к плечу в древнем приветствии *Преданных и Избранных, Стоящих в Тени Аккјтликса*, пока не вспомнил, что в Аккјтликса не верит. Он быстро спрятал ладони в мягкие складки пончо и тихо скользнул во тьму меж колонн.

Его окружила тишина, почти осязаемая после шума улицы, – это был совершенно другой мир. Лукас ощутил воздух святыни с примесью ароматного дыма, и у него под ребрами затаился страх. Он уже чувствовал, как воспоминания поднимаются со дна его памяти – самые чуждые ему воспоминания; он почти бросился обратно к дверям, пока его не накрыло волной непреодолимых образов. Но потом он напомнил себе, зачем пришел: Совет, Д-альфа, подозрение.

К черту Ёссе! Слишком мало времени, чтобы скрываться от их идиотского пафоса.

Он огляделся. В зале ожидала дюжина ёссеан, молча и без единого движения – часть на ногах, большинство на коленях. Все без исключения склонили головы, обратив их к центру, где точно так же без движения стояла фигура Насекомьего бога. По традиции фигура была отлита из гладкой блестящей стали и установлена в карминовом *аиё – солнце* – из розового мрамора и красного гранита. Обычно у святых нимб над головой, но у Аккјтликса – под ногами. Лукас ухмыльнулся. Было кое-что еще – особенность, которую любой упустил бы из виду, если бы не знал о ней: извилистые струйки, высеченные в лучах аиё, уходящие в камень, как высохшие русла горных ручьев, и стекающиеся к ногам Насекомьего бога. Почерневшая корка на их дне выглядела как пыль железистого граната.

Но это была кровь.

Лукас обошел фигуру не глядя на нее и нашел себе неприметное место позади. Его темно-серое шерстяное пончо с длинной бахромой почти сливалось с цветом камня. В стене было несколько дверей, с обеих сторон имеющих узкие доски из иссиня-черного сланца, на которых светились надписи мелом. Он оглядел их – надписи были на чистом корабельном ёссенском языке, без каких-либо знаков транскрипции и, конечно же, без перевода на какой-либо

понятный человеческий язык. Причудливые узоры ёссенского письма людям очень нравились – это мог быть неплохой принт для футболки, – но, конечно, мало кто разбирался в них достаточно хорошо, чтобы поставить на кон собственную жизнь. Неудивительно, что в этом здании посреди лучшего района Н-н-Йорка, кроме него, не было ни одного землянина.

Но он уже справился с недолгим приступом страха. Обычно Лукас подходил ко всем вопросам с подчеркнутой сдержанностью – даже связанным с Ёссе; и теперь, когда он видел испуганные набожные выражения лиц своих *неединоверцев*, к нему возвращалась положительная непредвзятость. «Ну что ж, друзья, и как вы вызубрили святую книжку? – обратился он к ним мысленно. – Надеюсь, у вас найдутся пробелы в образовании, потому что я вообще не хочу тут торчать аж до вечера». Он сунул руки в карманы под пончо – спасибо, Господи, за герданскую моду, приправленную безвкусицей землян! – и ждал.

Вскоре в зал вошел мужчина в синей тунике священника. Он держал сверхценный литургический предмет: мокрый гриб с украшенной серебряной рукоятью, название которого, если переписать его человеческим алфавитом, растягивалось на три строчки с дюжиной ё и полдюжиной ү. Лукас не успел воспротивиться своей натренированной памяти, и она добросовестно выдала ему слово целиком. Пока он невольно повторял в мыслях это слово и ругал ёссеан за то, что они не могут называть гриб грибом, священник чинно дошел до самого алтаря. Вера предписывала ему ни на секунду не спускать глаз с Аккүтликса, пока он не подойдет настолько близко, чтобы прижаться лбом туда, где у других, более человеческих, фигур находились бы носки ботинок. Из-за этого он не заметил землянина между колоннами. Завершив священные обязанности, он подошел к стене и в согласии с ритуалом стер надписи с доски у одной из дверей. Затем справа написал новый стих.

Все ёссеане разом подняли голову. Пока мел высыхал, а написанное проявлялось в темноте, они пожирали его глазами, расшифровывали надпись и усиленно размышляли. Шестнадцатая книга Аккүтликса, касавшаяся таинства Далекозерцания, состояла всего из двухсот стихов, но они были особенно немелодичны и с трудом понимаемы, потому выучить их было совсем не просто. Но, в целом, так на Ёссе и ведется: если у тебя нет памяти, как у слона, ты не сможешь и домой бабушке позвонить. Элегантно одетая ёссеанка слева от Лукаса нетерпеливо переступала с ноги на ногу на высоких каблуках и уже почти схватила мел, но потом передумала и убрала руку. Лукас видел, как от злости и нетерпения трясутся края ее реснитчатых ушей. Только вот в храме бога, который без зазрения совести принимал человеческие жертвы, было бы нехорошо ошибиться.

«О мой мозг Аккүтликс, скорее всего, сломает зуб», – с цинизмом подумал Лукас и потянулся за мелом, прежде чем успеет решиться кто-то другой.

Теперь-то священник его заметил.

– Ты ведаешь, что творишь, чужак? – пискнул он голосом, в котором прозвучала явная паника.

– Как и каждый, кто здесь стоит, Досточтимый! – Лукас хорошо знал, что священник не может вот так вырвать мел из его руки, даже если бы захотел.

Честно говоря, он очень надеялся на ёссенское чувство достоинства.

– Наша вера отличается от земной. Может, ты этого не понимаешь... – взволнованно продолжал священник.

– Безграничны объятия Аккүтликса, открывающиеся без различия всем, в ком есть воля стоять в тени его закона, – ответил Лукас первым стихом из Первой книги в надежде, что, блеснув знанием священных текстов, он немного успокоит ёссеанина.

– Ты рискуешь своей кровью, а может, даже и жизнью.

– *Своей кровью и своей жизнью, Досточтимый!* – подчеркнул Лукас и посмотрел ему в глаза.

В радужках инопланетянина всплывали островки коричневого и языки ярко-оранжевого – вихри протуберанцев, в которые тут же проникала острая серная желтизна. Лукас знал, что это. Именно эта дрожащая изменчивость глаз, эта неудержимая, неуловимая прицельность, которая притягивала к себе все с неизмеримой силой, больше всего пугала землян в өссеанах. Он подождал несколько мгновений, а затем ускользнул от оков взгляда өссеанина – пожалуй, *трёигриј* на сегодня хватит.

Нельзя сказать, что ему не было страшно. С другой стороны, священник, очевидно, боялся еще больше. Всякий раз, когда на аиё Аккүтликса истекал кровью какой-нибудь землянин, начиналось ужасное смятение, и оставалось в тайне это лишь благодаря факту, что Земля нуждалась в өссе намного больше, чем өссе в Земле. «Прошло бы мне даром, если бы я списал стихи со шпаргалки?» – подумал Лукас с усмешкой. Но он сомневался. өссеане относились к своим святыням очень серьезно. У священника было узкое лицо – вероятно, архетипично аскетичное, но по нему сказать было сложно. Лицо было покрыто рядами серебряных ритуальных колечек, развешанных по коже от висков до подбородка так густо, что выглядело это как живая броня. Были они и на его гигантском носу. Этот өссеанин, как и любой верующий өссеанин, никому бы ничего не простил, но, с другой стороны, сам бы умер, лишь бы не нарушить *Слово, Тайну и Заповедь*.

– Это твой выбор, землянин.

– Во имя Аккүтликса, – заключил с пафосом Лукас и поклонился фигуре бога настолько глубоко, насколько был способен при всем своем вопиющем недостатке веры.

Без дальнейших разговоров он подошел к левой сланцевой доске и начал писать.

Священник стоял у него за спиной и внимательно за ним наблюдал. Лукас все еще чувствовал его – то, что өссеане называют *трёигриј*, – и это сильно замутнило память. От взгляда янтарно-желтых глаз инопланетянина человек мог забыть, даже как его зовут, что уж говорить о стихах, самих по себе неясных и смутных, облеченных в самую сложную письменность, известную Вселенной. В старом корабельном өссеине, *храмовом наречиши*, было не меньше десяти тысяч знаков, отличающихся часто мелкими деталями – точкой здесь и там, наклоном и углом, шириной дуги или толщиной черты. Мелом писать было неудобно – Лукас чувствовал, как он крошится на мокрой неровной доске. Когда-то он спрашивал у Камёлё, девушки с өссе, почему в храмах, черт возьми, нет чертежной доски, если требуется такая точность. Она рассмеялась. «Если бы я не знала, что ты выучил все эти книги наизусть, Лус, то подумала бы, что ни одного слова из них не прочитал! Разве ты совсем ничего не понял?» Она была права: он знал это, но не решался в эту нелепость поверить. Сланцевые доски, элемент несовершенства и случайности. Даже тот, кто идеально знал все знаки, мог сделать ошибку – не по своей вине, а по воле Аккүтликса, по воле плохого мела и кривой доски. Насекомий бог не терпит интеллектуального высокомерия. Выучи тысячи непонятных символов, проситель, – если будешь посвящать этому два часа в день, это займет минимум пятнадцать лет, – но всегда помни, что этого все равно недостаточно. Ты никогда не сможешь держать все под контролем.

«В том, что верующий должен жить в неопределенности, есть смысл, – рассуждал Лукас, – я же, старый скептик, готов рисковать жизнью только в четверг после полдника. Иначе бы я, конечно, сюда вообще не пришел». За его спиной был камень, который прямо-таки излучал смерть, камень, бывший свидетелем паники и крика, гектолитров пота и расстройств кишечника – сам же он ничего выдающегося для его истории не сделал. Секунды убегали в полной тишине. Иногда скрипел мел. Те, кто смотрел, как он крепкими, уверенными линиями рисует запутанные знаки – без лишней суеты, но и без сомнений, – вряд ли могли обвинить его в недостатке хладнокровия.

Только вот подавляющая атмосфера неземной святыни действовала и на него, а может, и именно на него – тем сильнее, чем больше он сопротивлялся иррациональному, вооруженный

иронией и скепсисом. *«Положи человека на спину, обязательно на спину»*, – промелькнуло неожиданно в голове.

Его пальцы задрожали. Он не хотел представлять это, но его благие намерения уже были не властны над ситуацией. *«Фантазия – главный враг храбрости»*, – гласит очередная өссенская поговорка, то есть получается, храбрым может быть только тот, у кого никакой фантазии нет. Лукас представил себе мгновение, от которого его отделяет один неверный штрих мелом, и у него перехватило дыхание. Он почти чувствовал, как его тело сжимает холодный пояс из металла, натянутый через аиё и его ребра. *«На спину и вниз, лбом к ногам Аккүтликса, чтобы голова была ниже тела и кровь стекала к подбородку»* – отвратительно! Ощущение было таким острым, что он едва справился с импульсом вытереть доску локтем, быстро, пока еще может, пока его не связали.

Черт возьми. С Ёссе у него было нечто общее, и оно вовлекало его глубже, чем ему хотелось бы, – примерно так же, как у человека есть нечто общее с рыбьей костью, которая за ужином застряла у него в горле. *«Наверное, можно удалить ее хирургическим путем, – пришло ему в голову, – но на алтаре, к сожалению, это делают без анестезии»*. Он взгляделся в знак, который начал писать, и упорно вспоминал, чего еще не хватает, какой кривой линии или полудуги, но никак не мог вспомнить. Пока вокруг царило возвышенное спокойствие, в нем резко нарастало ощущение присутствия Аккүтликса, прямо физическое: чувство давления, как будто надувается мешок. Острый звук в ушах. Глаза перестают видеть. Три килограмма ледяного ила в брюшной полости и луч божественного сознания в голове, даже больше – божественной насмешки.

«Я заполучу тебя, Лукас Хильдебрандт, когда захочу. Неужели ты до сих пор в это не веришь?»

Он едва не повернулся, едва не опозорился на полсекунды, чтобы бросить быстрый взгляд за спину и убедиться, что фигура все еще стоит на своем месте, что она не соскочила с пьедестала и не смотрит ему через плечо. *«Этот жуткий, сотрясающий холод, который проникает в каждую кость, когда лежишь на камне!»*

И еще одна мысль, даже хуже.

«Что даст тебе эта победа здесь и сейчас, глупец? Уже скоро, Лус. Так или иначе».

И тут он услышал тихий треск ломающегося мела в руке.

Лукас смотрел не веря своим глазам, как мел рассыпался по земле – господи, как он мог это допустить? Только хоровое «а-а-ах!» всех өссеев, которые до этого наблюдали задержав дыхание, привело его в чувство. *«Плохой знак! Так Аккүтликс дает знать о своем недовольстве!»* Все, включая священника, суеверные до ужаса, резко подняли руки и прижали пальцы к левому плечу.

«Прекрасно, вы еще перекреститесь», – кисло подумал Лукас. Он осознал, что судорожно сжимает в пальцах остатки влажного мела, крошечный кусочек, который ему и дальше придется отчаянно беречь. Мел нужен ему абсолютно весь, до последней крошки... конечно, если он вдруг не решит сдаться.

Он встряхнул головой. *«Ну, нельзя же все испортить, – подумал он. – Морфий я забыл дома»*.

Ухмыльнувшись, Лукас очень осторожно добавил несколько линий. *«Пусть хаос вернется туда, откуда вынужден был отступить, – в крепость, из которой его изгнали; и крик птиц пусть преобладает над словом»*, – всплыл в его памяти конец стиха. Это было похоже на притчу о смерти – точно так же, как о коммуникации, о Далекозерцании и о чем угодно. Когда у болтовни нет определенного смысла, ее можно привязать к чему угодно. Он вновь усмехнулся и продолжил писать. Нет, нельзя было утверждать, что он страшно боится смерти. И забыть өссенские знаки он не мог – только не он! В его памяти они были вырезаны острее, чем бриллиантом, выжжены, въелись в нее как песок, а теперь выходили раскаленной нитью.

«Успею ли я, пока не закончится мел?» Да, он мог взять другой, но тут же решил, что, раз уж должен стоять здесь с суеверной толпой за спиной, пусть будет так, как им угодно. Если ему удастся дописать тем мелом, который у него остался, он воспримет это как знак, что получится и все остальное. «Все, – убеждал он себя, – что я хочу успеть за время, которое у меня еще есть».

«Совет. Д-альфа. Фомальхиванин. Единственное, что меня еще волнует».

Мел раскрошился в его пальцах: когда он рисовал последнюю дугу, оставалась уже одна пыль, но тут еще была линия, еще была. Это можно было принять за нее. С долей доброй воли, конечно. С долей снисхождения. С прищуренными глазами, обоими и каждым по отдельности. Сам Лукас был готов прищурить глаза, и доброй воли у него было достаточно. Он символически стряхнул в каменную миску последнюю щепотку мела, оставшуюся у него под ногтями, и отступил на несколько шагов.

Нахмурившись, он разглядывал свой труд. Знаки были прекрасны – ровные, точные. «Боролся буквально до последнего... кусочка мела, – подумал он с невеселой усмешкой. – И именно таким будет последний день». Под пончо он тер заледеневшие пальцы. Рё Аккүтликс, он справился! Бронированный священник наконец перестал сопеть ему в затылок.

Целую минуту стояла полная тишина, пока öссеанин не сказал наконец:

– Да. Можешь проходить.

* * *

Священник вел его вниз по неуютно узкому коридору. Лампы находились в полу, и в их рассеянном алом свете блестели стальные плитки на стенах. «Типичный древнекорабельный стиль, – думал Лукас. – Слишком по-öссенски, на мой взгляд». Колодец Далекозерцания, который ему открыл священник, не выглядел уютнее. Нержавеющая сталь преобладала и здесь, но в соответствии с традициями пол был из вытопанной глины, что тоже уюту не добавляло. Лукас тут же почувствовал неизменный запах влажной древесины и грибов.

Öссеанин вошел первым и поднял стальные жалюзи, закрывающие экраны. Они были немного помяты, но священник похлопал их ладонями, и они стали выравниваться. Потом он наклонился к деревянной бочке. После активации передатчика волокна гифы пробуждались, а запах грибов усиливался. Лукас был предусмотрительным: сегодня он не обедал и превентивно выпил горсть активированного угля – но его все равно начинало тошнить. Его – хотя ему никогда не становилось плохо даже при взгляде на крутой склон плазменной трассы! Его, пьющего отвары из öссенских грибов с раннего детства! «Только вот грибы я совсем не люблю, – подумал он без воодушевления. – С тех пор, когда вернулся с Öссе. Хорошо, что делать это приходится не так часто».

Священник выпрямился.

– Именем храма создаю соединение, – объявил он. – Какое место будет нашей целью?

– Спасибо тебе, Видящий, но я не хочу злоупотреблять твоей любезностью. Буду рад, если ты оставишь меня в одиночестве на святой глине.

Öссеанин заморгал.

– Ты хочешь, чтобы я ушел?! – Он был весьма удивлен и тут же выразил это самым неприятным из возможных образом.

– Ты сомневаешься в весе моей клятвы? – произнес он оскорбленно. – Здесь так не принято, землянин! Мы стоим в тени имени Аккүтликса. Вся информация здесь в полной безопасности!

– Я никогда бы не позволил себе сомневаться! – спешно убеждал его Лукас. – Я пришел как проситель – не как неверующий.

Оказаться под подозрением в неуважении к какому-либо аспекту их веры было смертельно опасно. Да и нельзя было сказать, что он не верил өссеанам. С одной стороны, он не сомневался, что они все равно будут слушать, так что не важно, останется ли кто-то из них в помещении; в то же время он был абсолютно уверен, что, даже если молчание священников не так безусловно, как они сами утверждают, они точно ничего не сообщат земным медиантам, – и это его устраивало. Проблема была в другом.

Он поискал в памяти подходящую цитату и собрал все свои запасы пафоса.

– Твое время принадлежит Богу, Видящий. «*Берегите Аккїтликсово*» – говорится в священных книгах. Можешь ли ты винить меня в том, что я не хочу расточать избыточно ценнейшие ресурсы его храма?!

С горьким удовлетворением он наблюдал, как смягчается выражение желтых глаз инопланетянина – на өссеан всегда действует подобная риторика. Лукас вдохнул и добил его:

– Как я могу взять из благ его больше, чем мне положено, и желать, чтобы ты исполнил все вместо меня? По воле Аккїтликса твои братья доверили мне инструмент Далекозерцания. У меня есть личный трансмицелиал.

Янтарные глаза наполнились удивлением. Теперь они упирались в Лукаса с совсем другим выражением и значительно дольше. «Ну, когда ему уже надоест?!» – спрашивал мысленно Лукас, пока в нем все сворачивалось от веяний ледяной пустоты. Наконец трейгру оборвалось.

Лукасу показалось, что, кроме уважения, в глазах өссеанина промелькнула и вспышка подозрения. В голове священника явно роилось множество вопросов. Однако Лукас не ждал, что какой-либо из них прозвучит, и не ошибся. Если во всей Вселенной и можно на что-то полагаться, так это на өссенское чувство достоинства.

– Дай Аккїтликс остроту твоему зрению, – пробормотал священник.

Он поклонился, вышел и закрыл за собой стальные двери.

«А точнее – стойкость моему желудку», – поправил его мысленно Лукас. Он снял пончо и с некоторым колебанием – рубашку. Было холодно, но он хорошо знал, каково это, когда на рукавах остается пахучий мицелий и с ним приходится потом ходить по улице. Он сложил все свои вещи в противоположном углу, где глина казалась не такой влажной. Затем открыл круглую коробочку и достал из питательного раствора две пластинки желтоватой массы. Они имели форму диска и немного напоминали линзы, которые когда-то носила его сестра, чтобы изменить цвет глаз на более оригинальный, чем ее непримечательная синева. Она завидовала даже его серым глазам, что всегда казалось ему смешным. *Глаза Аккїтликса*, конечно, были намного больше, чем у Софии, и видели намного дальше.

Лукас подошел к деревянной бочке, в которой находилась темная масса, вздутая, как горячий асфальт, и поблескивающая слизью. Он знал, что стоит ему лишь мгновение понаблюдать за ней – и он заметит под этой дрожащей поверхностью медленное, непримечательное движение. Потому лучше не смотреть. Вместо этого он проверил недавние ссадины на предплечье и локте. Слава богу, они выглядели вполне зажившими. При мысли, как споры этих *факультативно-интравенозных аскомицетов* (как на самом деле называлась эта отвратная штука в бочке) через какую-нибудь царапину попадают в кровь, и гифы начинают прорасти в венах, у него выступила гусиная кожа. Ему это казалось таким же мерзким, как витающий вокруг запах, – и даже осознание, что в его ситуации подобный страх смешон, ничего не меняло.

Он выложил диски трансмицелиала на столик из хромированной стали, специально представленный для этой цели к бочке. И у этого священного предмета было длинное название на корабельном өссеине, но в этот раз Лукасу удалось *не вспоминать* его полностью – сразу после первых восьми слогов он обрезал путь своей памяти, прижав к дискам обе ладони. И тут же почувствовал мурашки и жар. «Это именно та граница, – подумал он, – поддающаяся определению: если не отдергиваешь руки, то это еще не боль». Так он утешал себя, сжимая

зубы, пока на смену жару не пришла странная, парализующая бесчувственность. Диски были прижаты так крепко, что у Лукаса не вышло бы даже ногтем приподнять их края.

Конечно, он мог этого избежать – стоило лишь воспользоваться услугами Видящего, и он не замарал бы ни пальца. Но в этом разговоре не мог участвовать никто, кроме него.

Он не хотел, чтобы те, с кем он будет говорить, видели ёссеан.

Экраны загорелись, и из внешних колонок раздались клокочущие звуки межзвездного шума. Лукас чувствовал, как ему становится плохо от запаха грибов, но знал, что скоро перестанет это замечать. По-настоящему плохо ему станет уже после: на улице и на свежем воздухе, вечером и завтра, даже несмотря на количество коньяка, которым он попытается смыть навязчивый привкус с верхнего нёба. Холодная вязкая масса немного дергалась и скользила под его пальцами; она была как пудинг, в который добавили горсти смотанных ниток. Лукас по опыту знал и то, что нет смысла пытаться держать руки над поверхностью в надежде, что так запачкаться нельзя. Нужно было искать, нащупать трансмицелиалом необходимую нить.

Только после этого он попадет *к ним*.

Глава вторая

Игра в вопросы

Руки Пинкертину Вард тоже были погружены в коробки, полные страшных вещей, но искала она совершенно другое.

А нашла и вовсе третье.

Она сидела на коленях на полу в гостиной, перед ней лежала запылившаяся коробка стереофотографий. Она пыталась выполнить обещание, данное девушкам из ее отдела: найти какие-нибудь старые снимки, которые еще не публиковались в Медианете. Где-то в этой коробке было много фото Донны Карауэй, по сей день знаменитой звезды плазмольжного спорта, а еще – точно пара фото Пола Лангера в молодости. Пинки надеялась, что разберет эту кучу за десять минут, но на самом деле сидела над ней уже часа два. Так сложно! Если спешишь, не стоит открывать коробки, набитые воспоминаниями от заплесневевшего дна до заплесневевшей крышки.

Под руку попались фотографии заснеженного домика, и Пинки усмехнулась, вспомнив, как они тогда забавы ради взяли напрокат классические лыжи и уехали праздновать Новый год в горы, в местечко К-х-Блу-Спрингс. Там были еще, конечно, Грета, Донна, Лукас, Пол и Ник – в общем, вся их компания из команды. Только вот по снегу лыжи едут совсем не так быстро, как по плазменной трассе, потому закончилось это скукой в домике, где все ужасно напилось мерзким дешевым вином... несмотря на то или, скорее, к сожалению, *потому*, что большинству из них еще не было восемнадцати.

Перед глазами у Пинки еще была Грета, снимающая футболку под давлением Пола и под звуки гитары Ника и на шатких ногах пытающаяся танцевать на столе. У Пола с Гретой потом случился короткий и страстный роман, который впоследствии разрушился из-за цен на межпланетные билеты, когда Пола переманили в Олимпийский клуб на Марсе. Пинки понимала, что они бы разошлись в любом случае, но Грета этого даже допустить не могла. С тех пор она тащила за собой это пленительное, страстное и горько-сладостное *«если бы»*.

Ник же напился как скотина, и его стошнило прямо в гитару, но перед этим он долго всем рассказывал, как бросит лыжный спорт и найдет теплое местечко, где заработает кучу бабла. Ну, почти двадцать лет спустя было очевидно, что это ему удалось. Донна же, наоборот, будучи единственным ответственным человеком, к алкоголю даже не притронулась, потому что приближался сезон соревнований, а она не могла себе позволить ничего, что могло бы помешать ее идеальной форме. Тогда никто не знал, что остается чуть меньше четырех лет, прежде чем падение во время важнейшей гонки сезона лишит ее формы навсегда. Плазмольжный спорт был отнюдь не безопасным. Каждый профессиональный плазмольжник рисковал закончить свою карьеру смертью.

Сама Пинки напивалась отчаянно и тихо. Она сидела рядом с Лукасом, который находился в весьма мрачном настроении. Его серые глаза были устремлены в пустоту, он молчал и не смеялся над шутками. Сначала она думала, что это может быть связано с фактом, что этот горный домик в Блу-Спрингс принадлежит его отцу – а точнее, с той деталью, что его отец об этом тайном сборище не знает, но мог бы узнать. Позже оказалось, что все совсем наоборот. Лукас не боялся, что его отец узнает. Он *хотел*, чтобы отец узнал. То, что он затащил своих друзей в Блу-Спрингс, было одним камешком в лавине бунта.

В лавине, которая вот-вот должна была обрушиться.

Когда открыли третью бутылку, он вполголоса проговаривал какой-то бесконечный өссенский псалом, из которого Пинки не понимала, конечно, ни слова. Того, что делала в то время она, он, скорее всего, вообще не замечал, потому что в таком случае, наверное, стал бы возражать.

Ее голова лежала на его плече.

Пинки засмеялась и бросила фотографии на ковер. *Ну, идем дальше.* Где-то тут еще должны быть фотографии других успешных лыжников с автографами. Это были бы ценные экземпляры коллекции – в том случае, если бы она такое еще коллекционировала. Она нашла фото Джона МакКоли, а вслед за ним и Нёргёвёека, известного өссенского плазмольжника. Вот это был действительно ценный экземпляр! Это фото в свое время ей подарил Лукас, но, несмотря на то, как сильно она тогда о нем мечтала, из-за обстоятельств, в которых это произошло, радости оно ей совсем не принесло.

А теперь фото с другой гулянки – как они оказались так глубоко? Сегодня ей определенно суждено припомнить все свои грехи, потому что именно в тот вечер она напилась во второй – и последний в жизни – раз. Начиналось все невинно, в приличной одежде и в приличном заведении, с толпой друзей. Вино было несравнимо лучше, как и музыка, да и настроение Лукаса было намного светлее. Он всех угощал, а сам весь сиял. Пинки ужасно напилась, но не в том ресторане, а уже потом, дома, совершенно одна, дешевым мерзким джином. Потому что Лукас, ее давняя тайная любовь, переезжал на Ёссе.

«Давняя? Куда там. Она все еще здесь, что в моем возрасте вызывает опасения», – кисло рассудила Пинки.

Чем глубже она пробиралась ко дну коробки, тем больше нарастало беспокойство. Какое-то неопределенное воспоминание пыталось пробиться сквозь стенки ее черепа, но не могло сформироваться. А затем вдруг, когда Пинки сунула руку под очередной слой ветхих стереопластов, это произошло. Ее пальцы коснулись непривычной поверхности мицелиальной бумаги.

Пинки замерла. Пока страх затихал, она размышляла, может ли это быть то, о чем она подумала, и стоит ли ей это видеть. Да, конечно же, она знала, что *это оно*, ведь она собственноручно положила его в коробку. И сегодня, разумеется, все это время она ожидала, что найдет его, и это, вероятно, было причиной, почему с каждым предыдущим фото она так долго мешкала. Откладывала, насколько возможно, но это не помогло.

Оно лежало на дне коробки и на дне мыслей. Столько лет.

Несмотря на то, с каким рвением она старалась забыть.

Прищуренные глаза Джайлза Хильдебрандта.

Тайна.

* * *

Пока Пинки водила пальцем по гладкой поверхности өссенской бумаги, в ее памяти вспыхнуло остро и как наяву: *летний вечер и жар на спине, пот и жажда, когда солнце печет не в меру, а тебе приходит в голову дурацкая идея идти от радиоточки пешком.* На ней было платье без рукавов, и, пока она ждала в сводчатом каменном коридоре, который вел в виллу, выглядящую очень по-өссенски и мрачную, как старая крепость, ее начал сковывать холод. Но, возможно, она дрожала лишь потому, что шла к Лукасу. Домой. И без приглашения. У нее была слабая отговорка, что она нечаянно стерла в нетлоге запись с нужным номером, слабый предлог, что должна вернуть книгу, и причины, которые лучше не обдумывать. Это было задолго до того, как София начала встречаться с Ником и таким образом попала в их старую лыжную компанию, которая на самом деле уже и лыжной не была. До того, как Пинки настолько подружилась с Софией, что постоянно оказывалась в этом доме.

Это был первый раз.

И, на ее беду, конечно, Лукаса не было дома. Открыл его отец.

У нее не было четкого представления о нем, потому что Лукас о своей семье говорил совсем немного; но из всех собранных воедино кусочков и случайных слов сложилось чувство,

будто, если она однажды встретит его отца, у нее будет веский повод для страха. И вот, неожиданно, она стоит с ним лицом к лицу. А лицо его было очень узким, очень бледным, все в морщинах, усталое. Ироничная усмешка на его губах выглядела так естественно, будто это не просто выражение, а черта лица. Под гривой волос, в которых в равной степени смешались серебро и чернь, строго блестели пронизательные глаза, которые одновременно и напоминали глаза Лукаса, и нет. Они упирались в нее с холодным безразличием. Пинки, заикаясь, выдавила из себя отговорку и сунула ему микрод с книгой. Он не соизволил даже протянуть руку.

– Вы кто? – спросил он.

Пинки назвала свое имя.

Он на мгновение задумался. Затем привел ее в полное замешательство.

– Из лыжного клуба, да? Соревнуетесь. Я знаю вас по фотографиям.

– Да.

Он смотрел на нее. Пинки переступила с ноги на ногу. «Боже, – осознала она. – Он же все понял, в ту же секунду: мне не нужно возвращать Лукасу книгу дома, если я вижу с ним три раза в неделю на тренировке!» Она уже хотела отступить, но тут он снова ее удивил. Отступил – в сторону – и открыл ей дверь.

– Хорошо, Пинкертина. Проходите.

Она не знала, что делать. Это была совсем не та ситуация, в которой она мечтала бы оказаться. От профессора Хильдебрандта исходили неоспоримый авторитет и сила. Этому содействовала и аура поразительного интеллекта, не признавать которую у профессора университета шестнадцатилетняя девушка бы не осмелилась, и вековой почет академических учреждений, который символически стоял за его плечами; вот только этого всего не хватило бы – не будь его взгляда. Именно он ее по-настоящему пугал. Он проникал сквозь ее мозг до самого затылка, а в жилах стыла кровь.

В голове у Пинки проносились всевозможные мысли: кроме прочего: и то, что Джайлз Хильдебрандт изнасилует ее в гостиной на диване, задушит и закопает в огороде. Он был намного выше нее, костлявый, но сильный. Если бы не морщины, он и старым бы не казался; Пинки не сомневалась, что он бы с ней справился. Она была в хорошей форме, но это не значило, что ей под силу и умело драться.

– Я... знаете... в общем... если Лукаса нет дома, я не хотела бы вам мешать, – выдавила она из себя. – Это совсем несрочно. Просто оставлю ее здесь и... и вообще, мне все равно... нужно...

Одним движением руки он оборвал ее лепет.

– Это не проблема, – объявил он. – Лукас придет в любую минуту. Раз вы проделали такой путь, было бы жаль не подождать пару минут. Я не могу повести себя так негостеприимно.

У Пинки закончились слова. Он с ней разделается в два счета – это она осознавала; но его беспрекословный тон настолько ошеломил, что из ее рта не вырвалось ни слова в знак протеста. В следующее мгновение она как под гипнозом перешагнула порог.

Он отвел ее в свой кабинет. Книги были повсюду, причем книги классические – не на микродах, а действительно напечатанные на бумаге. Пинки не так много знала об этом, но даже ей было ясно, что бесконечное множество книг, которое она видела вокруг, стоило целое состояние. Резкий контраст предполагаемой цене составляло совершенное отсутствие порядка. Книги и өсенские свитки громоздились на полках вдоль стен, покрывали каждую горизонтальную поверхность и валялись в пыли на полу. Возможно, это было связано с тем, что мать Лукаса уже давно умерла. У профессора было много времени, чтобы поддаться холостяцким привычкам. Один момент, однако, был приятным: в комнате не было ни одного дивана, на котором можно изнасиловать и задушить. В конце концов, даже на полу не нашлось бы места на сексуальные оргии, не говоря уже о столе. Здесь невинную молодую девушку он мог убить разве что словарем.

Профессор освободил ей место на металлическом стуле, дизайн которого Пинки определила как типично өссенский; принес такой же өссенский... чай?.. с экзотическим приятным ароматом и обычное, ничем не примечательное земное печенье. Она откусила два кубических миллиметра. Ее рука сильно тряслась.

Каждой клеточкой своего тела она ощущала, как профессор Хильдебрандт садится в кресло за свой стол, кладет руки на подлокотники, затем голову на кожаную обивку и *наблюдает за ней* прищуренными глазами. Под ними были темные круги, которые она заметила только сейчас. Он сидел в комфортной позе, откинув голову, и совершенно не двигался. Его лицо выглядело безгранично старым, но в то же время сдержанным и отдаленным. Инопланетным. Ей сложно было представить, чтобы у него еще были какие-либо сексуальные желания. И желания вообще. Она предполагала, что раз он не оставил ее где-нибудь в прихожей, то хотя бы сразу же возьмется за свою работу и перестанет ее замечать. Но он смотрел на нее, и долго.

– Хорошо, – произнес он неожиданно.

Его решительный звучный голос так ее удивил, что она чуть не облилась чаем, но он ее испуг полностью проигнорировал.

– Должен признаться, информация, которую я вам дал, была неточной, – продолжил он. – Лукас сюда в ближайшее время не придет.

Теперь ее руки тряслись так, что она не отважилась держать в них чашку и поставила ее на стопку книг.

– С другой стороны, я не мог упустить бесценную возможность поговорить с вами наедине, Пинкертина. То, что вы сюда пришли, я расцениваю как доказательство, что в одной конкретной вещи у нас могут быть схожие цели. Буду благодарен, если вы проявите охоту меня выслушать.

Будто у нее был выбор! В голове стоял шум. Она потеряла способность думать – разве что кроме одной очень второстепенной мысли, которая в ее ошеломленном мозгу крутилась снова и снова, а именно: не связан ли его извращенно-витиеватый стиль речи с изучением на протяжении всей жизни извращенных инопланетян.

– Вы наверняка что-то знаете об Ёссе, не так ли? – в ту же секунду сказал он.

Строго говоря, это не был вопрос, скорее приказ отвечать. Она могла бы выдать что-нибудь – как минимум общеизвестные факты из школы или пару пикантностей, которые знала от Лукаса. Но потом она увидела сжатые в иронической усмешке губы Хильдебрандта, которые будто заранее смеялись над всем, что она могла бы сказать, и ее язык одеревенел.

Она вдохнула. Сглотнула.

И не сказала ничего.

Когда профессор Хильдебрандт увидел, что Пинки действительно не выдала ни одного предложения, то прожег ее взглядом, полным безграничного презрения.

– Ну, где же ваша смелость, барышня? – ухмыльнулся он. – Подобным образом вы и выигрываете свои соревнования?

Это вывело ее из себя.

– Между прочим, я очень даже хорошая лыжница! – выдала Пинки.

Ее голос звучал плаксиво, может, больше, чем ожидалось, но этого хватило. В то же мгновение, как она услышала, что все-таки смогла заговорить, заклинание одеревеневшего языка разрушилось.

– И вообще, что на это сказали бы вы? – протестовала она со всей дерзостью, которую смогла в себе найти. – Вы знаете об Ёссе абсолютно все. Разве вам так легко выбрать, с чего начать?

– Вы намекаете, что и вы молчите, потому что не знаете, с чего начать? – усмехнулся он язвительно.

– Я пришла сюда не для того, чтобы сдавать экзамен по өссенской истории!

В ее голосе все еще был слышен оттенок плаксивости. Ей и самой это казалось невыносимо отвратительным, но она ничего не могла сделать. Боже, ни разу в жизни она еще не оказывалась в такой неприятной ситуации! К этому Пинки совсем не была готова. Такого с ней еще не случилось: ни капли самообладания, которая помогла бы держаться спокойно. Ведь она со всеми ладилась. Ее любили. Когда она проиграла на соревновании, то громко это оплакивала и все сбегались к ней, чтобы утешить. Вот только теперь она была одна. Необъяснимая язвительность отца Лукаса впивалась в нее раскаленным лезвием, и Пинки от этого жара внутри высыхала. Она чувствовала, как все в ней распадается и крошится.

– Нет, вы пришли сюда лишь для того, чтобы вернуть книгу, не так ли? – констатировал профессор Хильдебрандт, и в его глазах заблестела насмешка.

Губы Пинки задрожали. Книга была предложением – это знали оба. Вдруг она подумала, что дело вот в чем: профессор затащил ее в свой кабинет, потому что собирается действительно порекомендовать оставить Лукаса в покое. Но это ведь какая-то ошибка! Ей было жаль, ведь на соблазнение она точно не была способна, он с кем-то ее спутал. Наверняка с Гретой, для которой одежда была как занавеска, в нужный момент готовая продемонстрировать ее прелести. Когда после тренировки Грета собиралась в ночной клуб, то просила Лукаса черным карандашом для бровей нарисовать какой-нибудь интересный ёссенский знак на груди или на спине, в зависимости от того, где вырез был больше. Обычно он делал это с удовольствием. А Грета все время нарочито приговаривала, что сделает настоящую татуировку с каким-нибудь из этих знаков, на левой половине. Так почему на этом горячем стуле сидит не она? Где в этом мире хоть какая-то справедливость?

Пинки хотела начать что-то ему объяснять, но раньше, чем собралась с силами, почувствовала, как по ее щекам текут горячие слезы. «Боже, – мелькнуло в голове. – Это катастрофа! Просто ужас – вот так сдать! А он сейчас точно начнет хохотать».

Вместо этого она услышала, как Джэйлз Хильдебрандт встает, и тут же на ее коленях оказывается пачка бумажных салфеток.

– Рё Аккүгликс, барышня, как вы вообще собираетесь выжить в этом мире?! – зазвучал над ней его ироничный голос. – Вы прямо-таки клубок нервов! Но это – только к вашему несчастью. Возьмите печенье.

Пока Пинки вытирала глаза, он потянулся к полке за очередной, *третьей* кружкой и наполнил ее до краев чаем со сказочным ароматом. Пройдя мимо Пинки, он вышел из комнаты. Она высморкалась, но его совету не последовала. Вместо этого сделала глоток. На нёбе ощущался привкус чего-то очень странного... *неужели грибов?* Она даже представить не могла, что грибы могут быть так прекрасны, и уж точно ей в голову не приходило делать из них отвары. Когда чашка опустела, она подумала налить новую порцию из чайника на письменном столе, но была так вымотана, что не могла собраться с силами и сделать даже такую простейшую вещь. Когда через каких-то пять минут профессор вернулся, она сидела на металлическом стуле измученная и подавленная. Правда, уже не плакала. Что было очевидным прогрессом.

– Примите мои извинения, – проронил он, пробираясь меж книг к своему столу. – Я видел эту вашу плазменную трассу. Не такая уж вы и трусиха, если отваживаетесь ездить по ней, не так ли? Никогда бы не подумал, что вы так воспримете пару моих замечаний.

Пинки хотела начать объяснять, что это другой вид отваги, или, лучше сказать, что смелость не имеет ничего общего со способностью переносить грубость, но в итоге лишь молчала в бессилии. Ведь разве была в его словах грубость? Он не сказал ей ничего страшного, ничего оскорбительного. Для того чтобы опустить руки, ей хватило одного лишь его тона.

– Кроме того, – добавил он, – я привык иметь дело со студентами ёссеистики, а они демонстрируют значительную психическую выносливость, потому что иначе они не могли бы ею заниматься. А также с упрямым сыном, с которым без должной меры хладнокровной стойкости ничего не сделаешь.

Профессор Хильдебрандт наклонился к Пинки и уставился на нее своим невыносимо пронизательным взглядом.

– Но я настойчив, даже если это означает принесение в жертву собственного комфорта. Ну, барышня. Скажите мне – вас хотя бы отчасти интересует, что станет с Лукасом?

Пинки почувствовала, как кровь бросилась ей в лицо. *Так все-таки дело в этом!* Должно быть, она вся покраснела, потому что ощущение жара было страшным – оставалось ожидать только, что от кожи ее щек пойдет пар. Почему отец Лукаса всегда задает вопросы так, что на них невозможно толком ответить? Она не могла сказать ни *да* ни *нет*. Зато она точно знала, что на оба возможных варианта ее ответа скажет он: «Раз так, то надеюсь, что вы перестанете беспокоить моего сына своими пубертатными страстями, бесстыдная, развратная потаскуха...» (Он серьезно сказал бы такую глупость? Ну, это достаточно извращенно и витиевато.) Она сжалась от отчаяния и усиленно не поднимала глаз. Остатки печенья в ее потных пальцах превратились сначала в крошки, а потом в вязкую кашу.

– Хорошо. Такой ответ меня полностью устраивает, – сказал, к ее удивлению, профессор Хильдебрандт.

Он встал и подлил ей чаю. Пинки обтерла пальцы бумажной салфеткой и нетерпеливо отпила.

– Итак, к делу. То, что я скажу, вы, скорее всего, в полной мере понять не сможете, но это не важно. Если будете стараться, со временем, возможно, вы что-нибудь осознаете, – проронил он и снова погрузился в свое кресло. – Теперь просто слушайте меня, Пинкертину. И отметьте в своей памяти. Я хочу попросить вас об одолжении, так как пришел к выводу, что вы – наиболее подходящая для этого кандидатура. В одном вопросе мне потребуется ваша помощь.

Пинки поперхнулась чаем. После неловких минут, заполненных смущением и кашлем, она опомнилась и осмелилась посмотреть на него.

Джайлз Хильдебрандт улыбался. Это была улыбка Лукаса, милая и без всякой остроты. Только потом она подумала, что он прилагал для этого все свои усилия.

– Лукасу уготована судьба, которую сам он никогда бы не выбрал, – продолжил он. – Пока он противится, но в конце концов ему придется смириться. Пусть он сейчас думает все, что ему заблагорассудится, это не изменит того факта, что будущее его – на Ёссе.

Непоколебимая уверенность, звучащая в его голосе, настолько поразила Пинки, что она на секунду забыла о своей душевной буре.

– Почему?! Потому что так хотите вы? – выпалила она.

Ей вспомнились бумаги, заполненные этими страшными бессмысленными знаками, которые повсюду таскал с собой Лукас. Он учился даже в перерывах между тренировками, когда все остальные валялись на матах, отдыхали и болтали. Все так привыкли к этому, что никто уже не приставал к нему; постепенно и до непонятливых дошло, что, если так делает сам Лукас, с которым обычно весело, значит, дома ему приходится несладко.

– Может, вам не стоило заставлять его учить ёссеин.

Улыбка исчезла. Глаза Джайлза Хильдебрандта сузились, и в них заблестела язвительность.

– Вот как! Я должен истолковать это так, что Лукас жалуется друзьям?!

У Пинки были достаточно хорошие инстинкты, чтобы это тут же заметить... но, к сожалению, недостаточно хорошие, чтобы заметить ловко.

– Вовсе нет! – выдала она. – Но стоит только посмотреть на бумаги, по которым он учится...

– Что?! Он носит их в школу?!

Если до этого ирония Джайлза Хильдебрандта лишила Пинки самообладания, то теперь от его тона она чуть не упала со стула. Он обжег ее таким взглядом, что она онемела от ужаса. А до этого она только что хоть немного опомнилась! Ее с трудом обретенное хрупкое равно-

весие таяло, как снежинка на плите. Пинки чувствовала, как в глазах снова скапливается пара гектолитров слез.

– Не плакать! – окрикнул ее нетерпеливо Джайлз Хильдебрандт. – Я буду разбираться с Лукасом, а не с вами.

Пинки разбила неконтролируемая дрожь.

– Вы не можете... я... я не хотела... Он ничего с собой не носит... всего один раз... это исключение...

У нее трясся даже язык, ужасное чувство! Лицо покраснело: ложь не была ее коньком. Когда она читала в исторических романах, как какая-нибудь дама от волнения готова упасть в обморок, ей всегда было смешно. Теперь ей, наоборот, казалось, что это настоящее чудо – избегать неминуемого конца так долго.

– Перестаньте заикаться, – заворчал Джайлз Хильдебрандт.

Теперь в его голосе не было злости – только разочарование.

– Лукас должен учиться *дома*, а вы не переживайте, что выдали его. Запреты пойдут ему во благо.

В этом Пинки сильно сомневалась.

– Зачем вы заставляете его делать то, что ему не нравится? – выдавила она из себя, ее голос дрожал. – Ведь это страшно тяжелая вещь. Этому вообще *нельзя* научиться.

Теперь на лице Джайлза Хильдебрандта не было ни тени улыбки.

– В этом вы ошибаетесь, Пинкерттина. Мне, например, удалось. И у Лукаса получится. Я спокойно заставлю его и по-плохому, если иначе не выйдет, так как другого варианта нет.

– Может, он хочет заниматься в жизни совсем не тем, чем вы! – выпалила она. – Что, если он вообще не хочет сидеть где-то в архиве и копаться в старых бумагах каких-то инопланетных чудовищ? Он хочет заниматься плазмолыжным спортом. И у него есть талант. Ведь он выигрывает все соревнования!

– То, чего он хочет, совершенно не важно. А что касается этого мелкого эпизода со смехотворным катанием... – Джайлз Хильдебрандт холодно усмехнулся и медленно покачал головой. – Ну уж нет. Он не будет им заниматься. Максимум через год он сам к этому придет. Поверьте мне.

Невероятная самоуверенность! Язвительное безразличие! Пинки чувствовала, как ее бесконечный ужас превращается в бесконечную ярость. Смехотворное катание! Все, ради чего она жила, этот надутый деспотичный мужлан одной фразой уничтожил. Злоба и унижение раздирали ее от горла до чрева раскаленной щеткой; она сжималась изнутри и вся тряслась от усилия *не начать* безудержно вопить, *не валяться* по ковру и *не бить* по полу кулаками. Именно так ей хотелось сделать, в таком порядке. Только мысль о том, что так она доставит Лукасу еще больше неприятностей, чем уже успела, сдерживала ее в чувствах.

Может, было бы в тысячу раз лучше, если б она просто тихо плакала.

Джайлз Хильдебрандт посмотрел на часы.

– Вы способны слушать, Пинкерттина, или мне еще подождать?

– Я и слушаю, – процедила она сквозь зубы.

Он окинул ее насмешливым взглядом, но никак не прокомментировал этот выпад.

– Хорошо. Существуют вещи, которые я должен Лукасу передать. Однако, по определенным причинам, которыми я вас не собираюсь обременять, я не могу и не хочу делать это прямо сейчас. С другой стороны, можно предположить, что, когда настанет подходящий момент, меня не будет в живых. Решение напрашивается само собой. Я написал ему письмо.

Должно быть, она выглядела совершенно недоуменной, потому что он разочарованно покачал головой и потянулся к своему столу.

– Вот. Письмо здесь, – он показал ей продолговатый конверт из плотной белой бумаги и посмотрел в глаза. – Теперь я доверяю его вам, Пинкерттина. А вы спрячете его у себя. *Это*

очень важная вещь. Лет через десять, двадцать или даже тридцать настанет момент, когда у Лукаса появятся проблемы. Вы должны распознать этот момент и отдать ему мое письмо.

Пинки смотрела на него, не веря своим ушам.

Он бросил письмо ей на колени, расположился в кресле и уставился в потолок.

– Так. А теперь спрашивайте.

– Почему... почему вы думаете, что я хочу о чем-то спрашивать?

Он ухмыльнулся.

– А вы разве не хотите? – Он снова осчастливил ее ироничным взглядом. – Послушайте, Пинкертину. У вас есть право на определенную долю любопытства, но мое время не бесконечно. Я готов вам отвечать, но только в случае, если разумные вопросы будут преобладать над глупыми. Для начала минус один балл. Так что постарайтесь оставаться хотя бы на нуле.

«Да что с вами, черт возьми, не так?!» – хотелось ей завопить. Но она понимала, что он с невозмутимым спокойствием ответит: «Минус два».

– Почему вы не доверите это письмо сестре Лукаса? – спросила Пинки вместо этого после недолгих размышлений.

– Очень хороший вопрос, – ответил он удивленно. – За него я начисляю вам сразу два балла.

Профессор Хильдебрандт помолчал.

– София подошла бы по многим причинам. Они любят друг друга – во всяком случае больше, чем обычно бывает у парня в пубертате и его сестры, которая старше на три года, – и наверняка и дальше останутся хорошими друзьями. Но проблема в другом, Пинкертину. Все силы моей интуиции подсказывают мне, что, когда у Лукаса появятся настоящие проблемы, он *ни в коем случае* не обратится с этим к Софии. Он будет стараться оградить ее от них до последнего момента. Она безгранично верит в его силу, а ему эта безграничная вера льстит. А это значит, что он будет во что бы то ни стало молчать, пока это будет необходимо, а может и лгать. Я веду Лукаса к тому, чтобы он в сложных ситуациях сохранял полное хладнокровие. Уже сейчас он вполне хорошо владеет собой. Если он не захочет, София никогда не поймет сама.

Пинкертине пришлось мысленно признать, что его наблюдательность ее впечатлила. От язвительного мужчины, который все это время демонстрировал лишь высокомерие, она совсем не ожидала такого понимания и эмпатии.

– А я, по-вашему, пойму? – спросила она.

– Неверно сформулированный вопрос, так как из ответа вы ничего не вынесете, – усмехнулся Джайлз Хильдебрандт. – Да, вы, по моему мнению, поймете.

– То есть... – Она хотела спросить: «То есть минус балл, или как?» – но не отважилась, потому что это очевидно был глупый вопрос.

– *Как* я это пойму?

– Усталость, бледная кожа и круги под глазами. Если вы приметесь настаивать, Лукас скажет вам правду, – заявил Джайлз Хильдебрандт с непоколебимой уверенностью. – Или вот как: если он хоть кому-то и сможет довериться, то это будет женщина вашего типа. К такой трепетной беспомощности, которую вы без конца проявляете, у него как раз слабость. А вы – потому что вы знаете то, что знаете, – потрудитесь, чтобы этой обобщенной гипотетической *женщиной вашего типа* стали конкретно вы. Вот так. Теперь еще плюс один.

Пинки чувствовала, как к ней возвращается желание безудержно рыдать. Зачем она вообще ввязалась в этот фарс с вопросами?! Больше всего ее сердило, что все это время и она невольно в мыслях ведет подсчет.

– Но вы ведь не можете знать, где каждый из нас окажется! А вдруг Лукас улетит куда-нибудь... куда-нибудь на Марс? Или я?

Отец Лукаса улыбнулся и взгляделся в нее.

– На самом деле, это вообще не играет роли, Пинкертину. Можно уехать, можно вернуться обратно. Ладно, этот вопрос я принимаю, так как расстояние в нынешнем мире космической экспансии кажется большой проблемой. Плюс два. Но если дело пойдет туго, Лукас вернется. Или его потянет на Оссе, и тогда мое письмо не пригодится. Или же сбежит на Землю – и для этого здесь будете вы. В том, что вы с ним останетесь в контакте, я совершенно не сомневаюсь.

Пинки пошевелила рукой и наконец коснулась письма, тяжестью лежавшего на ее коленях. Позже она пришла к выводу, что именно тогда настал тот момент – она решила, что не откажется.

– Вы что, правда всеведущий? – пискнула она.

– Я не всеведущий – просто предполагаю. Плюс один.

Она посмотрела на него обиженно.

– Ну, это вы учитывать не должны! Это ведь риторический вопрос! – выпалила она.

– Еще и очень глупый, – усмехнулся он.

Пинки поджала губы.

– Черт возьми, какой мне вообще интерес братья за что-то подобное?

Она хотела бросить письмо ему под ноги, но просто не могла выпустить его из рук.

– Потому что вы влюблены в Лукаса, и мы оба это знаем, – ответил он. – Среди девушек, которых знает Лукас, можно найти несколько подходящих. Вы к ним относитесь и как раз шли мимо, так что это в некотором смысле случайность. Теперь у вас нуль, Пинкертину. Это был лишний вопрос.

– Господи, откуда вы можете знать, кто влюблен в Лукаса?! – вырвалось у нее раньше, чем она успела удивиться.

Он посмотрел на нее скептически.

– Подумайте немного над тем, как вы себя ведете! – ухмыльнулся он и встал. – Представить не могу, чтобы кто-то мог *не понять* этого, посмотрев на вас! Это значит, что мы закончили, барышня. Счет не в вашу пользу.

Пинки вышла шатаясь. Она сама не знала, как вообще добралась до дома, потому что после всех пережитых эмоциональных потрясений была в таком шоке, что просто не замечала дороги. Неопикуемый вкус прекрасного чая оставался на нёбе, письмо оттягивало карман, а в парализованном сознании перекачивалась одна-единственная фраза: «В том, что вы с ним останетесь в контакте, я совершенно не сомневаюсь».

Возможно, именно это утверждение больше, чем все остальное, стало петлей, которая с этого момента связывала ей руки. Это было *обещание*. Вы останетесь *в контакте*... или же останетесь *вместе*. В свои тридцать три Пинки понимала, что истолковала это неверно, но в шестнадцать она этого не видела. Она настолько понадеялась на уверенность, звучавшую в голове Джайлза Хильдебрандта, что так ничего и не сделала. Не намекала и ничего не предпринимала. Не пыталась оказаться вместе с Лукасом на танцах или на заброшенном острове или хотя бы застрять с ним в лифте. Даже если бы она не восприняла это так драматично, возможностей все равно было много: достаточно было хоть изредка ему о себе напоминать. Она же вместо этого с тех пор тщательно его избегала, чтобы это не выглядело так, будто он ей безразличен, а он просто не обращал на нее внимания.

Если бы не эта фраза... и все последующие...

Если бы...

И Пинкертину тащила эти «*если бы*» на своих плечах.

Глава третья

В осаде

Рой Стэффорд, в то время еще директор *Совета по исследованию космоса* (точнее, директор, ожидающий разжалования каждый день), отложил папку с докладом и закрыл глаза. «Вот и оно, Лукас, – подумал он. – Вот где лежит граница между падением и выживанием».

В последние два месяца они определенно двигались скорее к падению. После того как, согласно закону, они стали обязаны обеспечивать связь и медиантам, тайная аппаратная Совета превратилась в открытый кружок дебатов. Откуда-то из подземных нор или же могил вдруг вылезли десятки специалистов по Д-альфе, которые грелись в мимолетных лучах медийной славы, а извержение бесконечных потоков болтовни позволяло им все это дело раздуть до невероятных масштабов. Рой Стэффорд ждал лишь того, как его, кроме геноцида, обвинят еще и в том, что всех этих дураков он нанял, чтобы отвести внимание от своих страшных преступлений. По Медианету ходили тысячи интервью, комментариев и заметок; посмотреть их все – это уже работа на несколько лет, а ведь каждую секунду возникают новые: *«Победа инопланетного лобби!»*, *«Кровавые летописи Совета по исследованию космоса!»*, *«Сбой в правительстве!»*, *«Заговор тайных обществ!»*, *«Рой Стэффорд позорно растоптал человеческие права!»*. Директор Совета уже давно не утруждал себя чтением всех статей, в которых его порицали, и это было большим счастьем, ведь иначе он быстро бы дождался заголовка *«Рой Стэффорд собственноручно задушил десять назойливых медиантов»*.

В таком болоте догадок и полуправд могло остаться незамеченным что угодно, даже целая горсть жемчужин. Но только сейчас, увидев это вновь в докладе Хильдебрандта, Стэффорд осознал, что в потоке волнующих сюжетов, глубокомысленных рассуждений, ужасающих разоблачений и прочего балласта разнообразных видов исчез и один тревожный факт.

На Д-альфе находится чужак.

Он усиленно воскрешал его в своей памяти. Перед глазами вдруг возникло худое некрасивое лицо мужчины, который одним солнечным днем позвонил с Д-альфы и начал весь этот цирк. Это точно было не то лицо, которое теряется в глубинах памяти! Стэффорд знал, что существует «лошадиное лицо», но никогда не мог себе его хорошенько представить, пока не увидел этого человека. «Господи, как я мог забыть о нем?» – спрашивал он сам себя в удивлении.

Человек этот прилетел на Д-альфу из космоса и перевернул там все с ног на голову. Он нашел спрятанный передатчик, что десятки лет не удавалось сделать никому из местных. Совет поддерживал контакт с командующими д-альфийским экспериментом, но никаких компрометирующих записей не оставлял, потому и пришелец, появившийся в эфире неожиданно и лишь однажды, записью зафиксирован не был. На экране его видело пять сотрудников Совета – и Стэффорд, которого тут же оповестили. Этого оказалось достаточно, чтобы новость о Д-альфе тут же просочилась в общественность, только вот, кроме Стэффорда, ни один из них не понял, что человек за передатчиком никакой не д-альфиец. А у Стэффорда с тех пор появилось множество более насущных проблем, потому он быстро выбросил это из головы.

Лукас Хильдебрандт чужака никогда не видел. В первую неделю, когда еще не началась вся эта суматоха, он участвовал почти во всех трансляциях и через межпланетный канал общался со множеством д-альфийцев – сначала с их командующим, потом буквально с каждым, но чужак больше на экране не появлялся. Скорее всего, он умышленно скрылся, исчез со сцены и переговоры оставил другим. Д-альфийцы о нем единодушно и упорно молчали, как настоящие скауты, но, насколько Рой Стэффорд мог припомнить, в первую неделю у них то тут, то там вырывалось то или иное упоминание. Правда, каждый раз они быстро это заминали или отрицали – видимо, хотели-таки получить скаутский значок – и в конце концов так налов-

чилились в своем отрицании, что позже, когда передатчик начали осаждать медианты, не просачивалось уже ничего. Но как раз именно вся эта скрытность вокруг чужака вызывала интерес Лукаса – и, в отличие от Стэффорда, который сам себе внушил, что это не так уж и важно, он занялся изучением всех следов.

Но как? Стэффорд не сомневался, что Лукас смог бы найти какую-нибудь подходящую д-альфийку, которая на него клюнет, например ту рыжую Рут, наброситься на нее со всем своим шармом и убедить ее, чтобы она все выложила, даже если чужак этого не хочет. Но он не понимал, как можно утаить все это от всеслышащих ушей прессы. У Лукаса просто были свои методы, и Рой Стэффорд верно предполагал, что он ему ничего об этом не расскажет.

Стэффорд снова вчитался в доклад. *Телепатия. Телекинез. Экстрасенсорное восприятие*. Это уже слишком. Стэффорд не верил в парапсихологию – или, во всяком случае, не очень. Но здесь были конкретные, трезво представленные факты, никаких мегаломанских плодов фантазии – только варианты того, чем все это может быть, включая вероятность, что это лишь простой обман. «Ты тоже хотел бы верить, что этот человек – шарлатан, а, Лукас? – обратился к нему мысленно Стэффорд. – В этом мы однозначно согласимся. Но, как ты верно отмечаешь, учитывая все обстоятельства, это объяснение, кажущееся на первый взгляд естественным, оказывается самым искусственным из всех». Сообщение было написано строго и по делу, без лишних отступлений, а между строк часто мелькал сухой юмор Лукаса. Неудивительно, что это сообщение убедило Стэффорда, хотя и содержало сумасшедшие вещи. Читать его человеку, которому самолюбивые подчиненные каждый день обеспечивали кучи не самых интересных бумаг, было явным удовольствием.

Но, может быть, у него просто была слабость к Лукасу.

Его прервал стук в дверь. Заглянула секретарша.

– У вас есть минутка, Рой? С вами хочет поговорить госпожа Фергюссон.

Рой Стэффорд положил доклад на стол, но тут же передумал и спрятал его в нижний ящик, закрыв на ключ.

– Пусть проходит, Линда.

Фиона Фергюссон вошла, и Стэффорд мгновенно почувствовал ее духи, откровенно элегантный аромат без каких-либо тайн. Женщина привлекательная: высокая, энергичная, стройная и со светлыми волосами; юристка; деловая и интеллигентная. Ни одного недостатка в ее красоте, ни малейшей причины для разочарований. Молодая. Без обязательств. Приличная зарплата. «Задумывалась ли она когда-нибудь, что мужчины ее боятся?» – промелькнуло в голове у Стэффорда.

– В связи с проблемой Д-альфы я хотела предложить вам одну идею, – начала Фиона гладко после обмена дежурными фразами, усевшись в кресло напротив него. – Она касается человека, который на этой планете, так сказать... *лишний*. Это Ашад Лимаилдан, который якобы прилетел с Фомальгаута.

И она туда же?! Стэффорд стремительно обдумывал, стоит выбрать безопасный способ или же быстрый. Своих людей он отбирал тщательно и, соответственно, доверял им, но Фиона была юристкой и хорошо знала, что на подобный вид информации медианты имеют право моментально. Он не мог знать, когда ей захочется исполнить законные предписания.

– В трансляциях никто подобный не появлялся. Его существование – чисто гипотетическое, – заявил он.

Это замечание Фиона поняла именно так, как он и задумывал.

– Конечно. Мы говорим лишь о гипотезах, – сказала она. – *Если бы* кто-то подобный существовал – а мы этого знать наверняка не можем, – стоило бы обдумать, как к этому отнесется Совет и что это ему даст. Стоит учитывать, что у подобного человека могут быть некоторые способности, в нашем мире не совсем обычные. Скажем, некоторые... *психотронные* способности.

«То есть она и это знает», – подумал удивленно Стэффорд.

– В таком случае подобная личность представляет значительный потенциал информации и знаний.

– Несомненно, – согласился Стэффорд нейтрально.

– Допустим, существует некая планета – назовем ее, например, Фомальхива, – где он получил эти способности, поскольку там ими обладает каждый. И также допустим, что на Земле могла возникнуть идея установить с этой планетой контакт.

– Это вполне вероятно.

– Все связи с Фомальхивой были бы в компетенции Совета, так как сама Фомальхива пока не имеет правового статуса. Это не «резидентская планета инопланетной расы», как Ёссе, и не «дислоцированная территория Всемирного союза», как Д-альфа или Эридан. Дипломатические отношения не установлены, фомальхивское гражданство официально не признается. Урегулирование всех вопросов может занять несколько лет, а до тех пор фомальхиванин в любые правовые отношения может вступать лишь при участии Совета. На практике это означает, что мы имеем на него исключительное право.

– Только он никакой не фомальхиванин, Фиона, – прервал ее Стэффорд. – Он родился в семье землян на борту земного колонизаторского корабля «Трисмегистос». Пространство корабля, согласно интерпланетарному праву, – суверенная территория Всемирного союза Земли. Аргумент, что во время вылета корабля Союз еще не существовал, однозначно отвергается, так как Всемирный союз является организацией-преемником существовавших на тот момент Европейского союза и Соединенных Штатов, которые корабль запустили.

Он вдруг осознал, что почти дословно цитирует сообщение Лукаса.

Лицо Фионы во время его речи приобрело нетерпеливое выражение.

– Гражданство он, безусловно, получит без проблем, никто не спорит, – резко согласилась она. – Однако признано оно будет лишь в том случае, если он его запросит.

– А вы хотите заставить его не подавать этот запрос?

– Да. – Глаза Фионы победно заблестели. – У него есть серьезная причина этого не делать. В стычке на д-альфийской базе он убил троих человек, Рой. Если он станет сотрудничать с Советом, мы его вытащим, возможно даже без суда. А если нет... ну, как дееспособный гражданин он как-нибудь разберется. Конечно, если сможет достать деньги на адвокатов.

Она улыбнулась и выжидающе посмотрела на Роя.

Говорила она очень откровенно, возможно даже слишком, а то, что она предлагала, было куда серьезнее, чем обычное нарушение закона о передаче информации.

– Интересная идея, – сказал Стэффорд. – Однако существует угроза, Фиона, что фомальхиванин наш интерес неверно истолкует.

Фиона нахмурилась.

– Этот человек – *убийца*. Презумпция невиновности, конечно, не перестает действовать, но сейчас, без лишних ушей, стоит признать, что в его случае речь не может идти о максимальной деликатности. Нам от него кое-что нужно. Ему от нас тоже. А так как убийце верить нельзя, будет лучше *не давать* ему выбора.

Стэффорд не спускал с нее глаз.

– А лично вам перечисленные обстоятельства не мешали бы вести с ним переговоры? – спросил он. – Вы бы его не опасались?

– Когда я пришла с этой идеей, я уже знала, что без риска не обойдется, – ответила Фиона. – Наоборот, я с удовольствием за это возьмусь.

– Я еще не решил, кому поручу это дело, – умерил ее пыл Стэффорд.

– Конечно, – натянуто сказала Фиона.

Ее глаза изучающе скользнули по его столу, и Стэффорд поблагодарил свою интуицию за то, что спрятал доклад Хильдебрандта.

– Я обдумую все, что вы сказали. Приготовления к возвращению колонистов на Деймос II еще не окончены, потому у нас пока есть время все решить и предпринять необходимые меры... в случае, если окажется, что среди д-альфийцев действительно находится некий фомальхиванин.

Фиона верно восприняла это как окончание аудиенции и, осыпая его очередной порцией дежурных фраз, направилась к двери.

Вдруг Стэффорду в голову кое-что пришло.

– Извините, Фиона. Еще один момент.

Фиона обернулась, держа руку на дверной ручке.

– Да?

– Откуда у вас вся эта информация?

Казалось, этот вопрос застал ее врасплох. Очевидно, она ожидала его намного раньше, в самом начале разговора, но никак не теперь, когда уже находилась в дверях и потеряла бдительность. Однако спустя мгновение она ослепительно улыбнулась.

– Но у меня нет никакой точной информации! Ведь мы говорим о простых гипотезах – не о реальных фактах, – произнесла она с улыбкой.

* * *

После ухода Фионы Рой Стэффорд снова достал из ящика доклад Лукаса, перечитал его и задумался.

Альфа Центавра – это система из трех звезд. Компоненты А и В составляют двойную звезду, которой компонент С, известный также как Проксима, сопутствует на расстоянии двух десятых светового года. Планету Проксимы, единственное подобное Земле тело в целой системе, кто-то в шутку обозначил как D, и название так и закрепилось, потому что ничего лучше никто не придумал. Д-альфе поэтичные имена не подходили. Эта планета производила такое мрачное и темное впечатление, что любое более меткое название вызывало бы лишь депрессию. Это был холодный, суровый, неприветливый мир, где добровольно никто не захотел бы жить. Потому и возникало такое негодование из-за судьбы колонистов. Общественное мнение было однозначно на их стороне.

Если д-альфийцы захотят получить от земного правительства компенсацию, то наверняка ее добьются. И также наверняка вся эта грязь не останется сверху, а упадет пневмопочтой государственной машины несколькими этажами ниже кому-нибудь за ворот. Ведь всегда нужно найти жертву, на которую можно повесить все грехи. У Стэффорда пока была отговорка, что Д-альфа – это проект правительства и Совет обо всем этом даже не подозревал, а так как никаких компрометирующих записей медиантам в руки не попадало, он пока изо всех сил держался в своем кресле. Но на самом деле о колонии на Д-альфе он, конечно же, знал. За все время в своей должности он несколько раз получал от их командующего общие, не слишком содержательные отчеты. Стэффорд даже задумывался, действительно ли так необходимо оставлять колонистов изолированными на неприветливой планете, но в то же время ему казалось совершенно неразумным менять такой порядок вещей из простого идеализма. Он был в состоянии просчитать, что СМИ моментально сделают из этого инфоповод и что именно он будет первым кандидатом на публичную казнь. Теперь, когда ситуация все-таки предана гласности, развитие событий подтверждает правильность его инстинктов.

Возможно, было бы лучше, если б он мог представить медиантам хоть какое-то объяснение. Но данные о Д-альфе, находящиеся в его распоряжении, были непригодны. Решение об изоляции базы приняла правительство, тайная служба и руководство Совета около пятидесяти лет назад, когда колонисты впервые вышли на связь с Землей. Карантин они объясняли тем, что устройство, с помощью которого осуществляется связь с д-альфийской стороны, на самом деле

– организм неизвестного происхождения, оцениваемый как потенциально опасный. В сейфах Совета об этом был целый строго засекреченный документ, включавший анализы Р-А-спектра д-альфийского передатчика, который якобы отличается от өссенских стандартов. Рой не верил своим глазам, когда читал эту бессмыслицу. При следующем контакте с Д-альфой он спросил самих колонистов, что у них за передатчик, и они его заверили, что это переоборудованный органический компьютер из бывшего генерирующего корабля. А передатчик, видимо, действительно помнил несколько потоков и пятнадцать поколений прабабушек, потому что на следующей неделе связь неожиданно прервалась и только через две недели ее удалось восстановить. Стэффорд на всякий случай сделал новый анализ Р-А-спектра. И он показал именно то, что Рой и предполагал: сигнал был совершенно обычный. Он мог только догадываться, зачем кому-то пятьдесят лет назад понадобилось фальсифицировать результаты – какая группа интересов это лоббировала и сколько изрядно набитых конвертов сменило своих владельцев. Но стоило представить добывающий концерн, которому невыгодно, чтобы минеральные месторождения на Д-альфе повлияли на цены на мировых рынках, и картинка сложилась сама собой. Печально, что как раз ему никто взяток не давал, но несмотря на это в глазах общественности он был главным виновником происходящего. У него не было ничего в собственную защиту. Параметры передатчика может измерить любой исследовательский центр в Солнечной системе, потому что сказкам об инопланетном организме никто не поверит, а Совет не сможет ответить на вопрос народа, почему информация о Д-альфе была засекречена.

Если для Совета – и для него самого – все это вообще может закончиться хорошо, то решение будет принято не в зале суда. Еще раньше, чем дело дойдет до какого-либо процесса, нужно убедить правительство, что Совет ведет настолько полезную деятельность, что ее стоит поддержать и сохранить. И в этом плане сложно представить лучший аргумент, чем Фомальхива.

К такому заключению пришли двое лучших сотрудников Стэффорда. Вопрос был в том, действовали ли они независимо – Рой Стэффорд мог себе представить, что Фиона каким-то образом добралась до материалов, которые собирал Лукас, – но для конечного результата это роли не играло. Его собственные инстинкты подсказывали ему то же самое. Очевидно было, что нужно что-то предпринять.

Оставалось лишь решить, кому из этих двоих доверить дело.

Стэффорд со вздохом положил доклад обратно в стол. В другой ситуации он наверняка бы попросил Лукаса найти для Совета этого фомальхиванина. Но это было не так просто.

В его памяти еще сохранился тот шок, когда к нему пришел Лукас Хильдебрандт и сообщил, что болен и ему остается жить около десяти месяцев. Но страх вскоре затих, и время шло, но ничего примечательного не происходило. Из десяти месяцев прошло шесть. Лукас всегда оставался на работе после смены – теперь казалось, что он едва ли ходит домой спать. Он всегда был стройным – теперь стал тощим. Его лицо раньше было овальным, узким и вполне даже красивым – теперь же остро выступившие скулы портили красоту. Его серые глаза казались еще более пронзительными, чем раньше. Но о своей болезни он никогда не говорил. Никаких проявлений тоже не было. Может, Стэффорд только сам себе внушал, что видит эти постепенные изменения, потому что их ожидал.

Возможно, врачи ошибались.

Рой Стэффорд потянулся за нетлогом. Он видел, что компьютер Хильдебрандта в Сети, и послал ему сообщение, но ответа не дождался. Попробовал еще раз – безуспешно. Наконец он решил, что вместо звонка может просто к нему зайти.

Все же такую деликатную вещь, как Фомальхива, лучше обсудить лично.

* * *

Дверь офиса были заперта.

– Лукас! – колебался Рой Стэффорд.

Он вовсе не думал, что Лукас Хильдебрандт там внутри обжимается с какой-нибудь коллегой – в этом он как раз не имел потребности. Нет, в голову приходили вещи куда хуже.

– Вам плохо? – крикнул он через дверь.

Рой не мог перестать думать о болезни. Пока что он не замечал никаких проявлений, но вероятность росла с каждым днем.

– Лукас! Я не могу вас там оставить. Если вы не в состоянии открыть, я выломаю дверь.

Внутри слышались шаги, и щелкнул замок. И вот он смотрел в лицо Лукаса, белое как бумага и мокрое от пота. Тот сам на себя не был похож. Его глаза, в которых часто искрился смех, выражали страшную усталость и в некотором смысле невменяемость. Под ними были такие темные круги, которых Рой еще никогда не видел.

Стэффорд понимал, что Лукас не слишком рад его видеть, но все равно вошел. Лукас захлопнул за ним дверь и молча запер снова. Стэффорд хотел возразить, но раньше чем ему удалось что-то произнести, Лукас резко отвернулся, уткнулся лицом в кожаную обивку и судорожно впился пальцами в свое тело. Плечи под пропотевшей рубашкой неудержимо тряслись и поднимались с каждым резким вдохом. Был слышен и запах пота: противный, едкий... такой острый, что у Стэффорда сводило желудок. Может быть, ему стоило выбежать в коридор. Куда-нибудь, где не было этой вони. Где бы не было этого близкого, физического, навязчивого кошмара.

Но он не сдвинулся с места. Дверь была закрыта – нужна изрядная доля смелости, чтобы вот так просто ее открыть и исчезнуть без объяснений. Вместо побега он, не веря своим глазам, смотрел на то, как ногти Лукаса впиваются в его же руку и оставляют в ней красные полумесяцы. Которых было уже не счесть. В некоторых были крошечные, почти незаметные капельки крови. Такого Стэффорд тоже никогда не видел. Он не мог отвести глаз.

Вдруг ногти ослабили хватку, и Лукас немного выпрямился. Стэффорд осознал, что тот смотрит на него.

Рой откашлялся:

– Я не подозревал, что все так плохо.

На лице Лукаса блеснула ирония, а губы скривились в едва заметном намеке на улыбку. На губах тоже была кровь.

– Я теперь вылечу с работы? – пробормотал он.

– Глупости, Лукас. – Стэффорд был в полном недоумении: он размышлял, с чего начать его успокаивать, но чувствовал – что бы он ни сказал, это не поможет.

Господи, что этот человек должен переживать, если так разодрал себе руки? Такие мучения он себе даже представить не мог.

В горле образовался ком. Почему это коснулось именно Хильдебрандта? Стэффорд вел себя осторожно с людьми из своей команды – дружелюбно, но в то же время соблюдая дистанцию, потому даже их с Лукасом отношения никогда не пересекали черту обычной вежливости, – но в глубине души он ему очень нравился. Иногда он даже думал, что в иной ситуации мог бы иметь сына его возраста и отдал бы все, чтобы он был именно таким. Ему импонировало блестящее мышление Лукаса, его находчивость и полное хладнокровие. Когда правительство решало дальнейшую судьбу Совета, он отправил туда именно Лукаса – и тот продуманной аргументацией добился продления монополии на космические путешествия, а также щедрых дотаций для Совета, на которые Стэффорд даже не надеялся. А когда нужно было убедить и

Конгресс, он отправил его с полной уверенностью и туда. Все время он был убежден – до этой минуты, – что у Лукаса Хильдебрандта впереди прекрасное будущее.

И хотя Рой уже так долго знал об этом, только теперь до него действительно дошло, что Лукас умирает.

– Пока что я всегда вовремя возвращался домой, – раздался хриплый голос Лукаса, – но сегодня тут был тот мужик от Спенсеров, Трэвис, и пока я от него не избавился...

Он резко начал глотать воздух, и его лицо на мгновение судорожно застыло – под маской ледяного пота оно выглядело как растрескавшийся фарфор.

– Сказать, что он патологический болтун – это ничего не сказать, – закончил Лукас с усмешкой.

Он бросил быстрый взгляд на дисплей на стене и сделал нетвердый шаг к дивану. И добрался до него ровно в тот момент, когда ноги подкосились. Он тут же запустил руки в волосы и склонил голову к самым коленям. Потрясенный Стэффорд следовал за ним. Преодолев отвращение, которое в нем вызывал тяжелый кислый запах пота, он положил руку на плечо Лукаса... но тот увернулся от прикосновения, будто оно было невыносимее всего остального, что с ним происходило. Стэффорд снова слышал его резкое прерывистое дыхание.

– Лукас, – настойчиво произнес он, когда его лучший переговорщик снова был в состоянии слушать. – Где твои лекарства?

Он невольно начал обращаться на «ты».

Лукас неловко выпрямился. Его лицо приняло пустое, изможденное выражение.

– Нет, – пробормотал он.

И снова взглянул на часы.

– Не говори мне, что у тебя ничего нет! – Стэффорд прошел мимо него к столу и, перекинув себя, открыл верхний ящик.

Он ни разу в жизни не копался в вещах своих людей, но ситуация была исключительная. Он был почти уверен, что тут же сверху будет лежать пачка анальгетиков. Но увидел там лишь обычные канцелярские принадлежности, расположенные с некоторым неуважением к порядку.

Над портфелем Лукаса из синей замши он сомневался чуть дольше. Наконец взял его и отнес к дивану.

– Тут есть что-нибудь?

Лукас повернул к нему скривившееся лицо. В его глазах появилось выражение, от которого у Стэффорда по спине побежали мурашки: неопишуемая смесь надежды и полного отчаяния.

– Они тут?

Когда ответа не последовало, Стэффорд положил портфель ему на колени и открыл магнитные замки. В тот момент Лукас схватил его за руку.

– Я не могу, – забормотал он. – Не доставай. Прошу тебя, не испытывай меня.

В следующие несколько секунд Лукас сжал ему руку до невыносимого, пока не понял, за кого держится. С видимым усилием он расслабил сжатые пальцы и пошарил в поисках своей разодранной руки. Но Стэффорд еще долго ощущал на запястье ледяное прикосновение, будто на нем осталось эхо невообразимой боли.

Он схватил портфель и высыпал его содержимое на пол. Там были бумаги, ежедневник, өссенский трансмицелиал и весьма профессионально выглядящий журнал об астрофизике. К тому, что он знал о Лукасе, не относился лишь черный кожаный портсигар. Стэффорд поднял его и открыл.

В нем он увидел инъекторы в пластиковой упаковке: из десяти не хватало трех.

– Как это делается?

– Я сам, – сказал Лукас.

Стэффорд без малейшего подозрения отдал ему упаковку. Лукас взял ее, наклонился вперед и засунул ампулы глубоко в дырку между диваном и полом. Притом как тряслись его руки, сделал он это неожиданно быстро.

– Ты что творишь?!

Лукас поднял глаза. Теперь в них было лишь отчаяние, чистое и без примеси.

– Прости. Там иглы. Мы не можем из-за них драться.

Стэффорд мысленно ругал себя. Лукас был чертовски находчив, и он это знал, но на такую примитивную уловку он попасться просто не мог. Хотя – разве можно такое предугадать?

– Почему ты не сделаешь укол?

Тело Лукаса сотряслось в новом приступе боли.

– Не хочу, – выдал он упрямо, когда снова смог говорить.

Его глаза поднялись к дисплею.

– Еще немного.

Пот лился по лицу, но он даже не пытался его вытереть.

– Редко это длится... дольше двух часов.

Два часа. Стэффорд сухо сглотнул. Два часа, незаметное мгновение, которое можно проморгать, если только его не наполнят – как там было? – *тьма и скрежет зубов.* В нем все сжималось от мысли, как Лукас остается один на один с этим неизмеримым отрезком времени. Вокруг никого и ничего, а он бесславно и безнадежно снова и снова ведет этот неравный бой.

– Это не ответ. Почему ты не сделал укол с самого начала?

Лукас усмехнулся и покачал головой. Он вжался в диван, и его руки метнулись к вискам, надавили на них так, будто хотели проломить череп, а потом снова сползли на колени. Со смесью усталости и смирения он уставился в потолок.

– Если я начну делать их регулярно, то уже не смогу без них обойтись. – Его голос звучал пусто и плоско, вконец изможденный. – Это смесь алкалоидов, Рой, она вызывает сильную зависимость. Ничего сильнее уже нет.

Такая прямая констатация факта потрясла Стэффорда.

– Неужели в наше время не существует средств...

– Конечно же, существуют, – выдал из себя Лукас. – Я могу лечь в хоспис... меня подключат к электродам и... следующие три месяца... буду смотреть порнофильмы.

Если б не скривившееся лицо, Стэффорд был бы готов поклясться, что Лукас смеется.

– Но я все же не отдам свои кровно заработанные деньги разработчикам виртуала.

То есть он выбрал *это*. Стэффорд смотрел, как тело Лукаса мечется, будто пытается убежать само от себя.

– Могу ли я как-то тебе помочь?

– Ты мне помогаешь больше всех... не выгоняя меня отсюда. Это очень великодушно, Рой. Не будь у меня этой работы... все было бы куда хуже.

Стэффорду показалось, что вразрез с этими словами он увидел в глазах Лукаса проблеск насмешки. Он оцепенел: разве мог Лукас догадаться, что в нем как раз зарождалось решение отказать ему в дальнейшей работе в Совете? *«Отказать» – какое лицемерие так это называть!* Своим замечанием Лукас усложнил дело, если не помешал ему.

Зазвонил телефон. Лукас начал подниматься, но его шеф уже стоял у стола.

– Стэффорд, – рявкнул он в трубку.

Несколько мгновений он слушал голос в телефоне с напряженным лицом.

– Госпожа Хильдебрандт, у вашего брата...

Он не закончил. Брат госпожи Хильдебрандт в ту же секунду подскочил с дивана и в три нетвердых шага очутился у стола. Трясущейся рукой он потянулся за трубкой и вырвал ее из руки Стэффорда.

– София? – Легкий тон его голоса резко контрастировал с белым как мел лицом. – Прости, прямо сейчас у меня... кое-какая работа. Что? Нет, что ты. Я позвоню.

Его рука тряслась так, что он не мог положить трубку обратно. Стэффорд аккуратно взял ее и положил за него. Затем подставил стул, и Лукас тяжело на него упал.

– Почему ты ей не расскажешь об этом?

– А зачем? – пробормотал Лукас.

Он схватился за край стола. Его потные ладони оставляли на стекле мокрые отметины.

– Она ведь в конце концов узнает.

– В конце концов... – начал Лукас.

«В конце концов – значит, после твоей смерти, – подумал Стэффорд. – Прозвучало бес тактно, да?»

– ...я, конечно, не скрою, что мертв, – договорил Лукас. – Но выносить это бессилие для нее было бы хуже.

«А для тебя?» – вновь подумал Стэффорд. Излишний вопрос.

– Ты кому-нибудь еще говорил, Лукас? Кроме меня?

– Своей... бывшей девушке. – Лукас снова усмехнулся. – Если хочешь потерять женщину, достаточно сказать, что она скоро обнаружит в постели твой труп.

«Как она могла так поступить, как могла бросить его в такое время, паршивая бесчувственная сука». – Стэффорд хотел высказать свое возмущение, но слова застряли в горле. Он так часто думал о том, как хотел бы иметь такого сына, как Лукас. Хотел бы он и теперь, с такой болезнью? Он вдруг почти физически чувствовал рядом с собой смерть: смотрел на стул, на котором сидел Лукас, – и на секунду он показался пустым. По спине пробежали ледяные мурашки от страха. Боже, какой ужас смотреть, как он вот так умирает...

Конечно, *если б* это был его сын.

Еще повезло – что нет.

А стул, естественно, пустым не останется. Придет кто-нибудь другой, кто освоится на этом месте, будто оно принадлежало ему все время. Кто-то. Оптодиски и скрепки в столе разложит по-своему. Может, даже лучше. Это будет энергичная, обаятельная женщина, как, например, Фиона Фергюссон. Смерть будет от нее совсем далеко. Со стеклянной поверхности стола она сотрет отпечатки пальцев Лукаса и положит под нее стереофото из отпуска с парнем; она должна это сделать, ведь как она сможет тут жить со следами такого конца? И все будет предано забвению. Пропотевшая рубашка Лукаса закончит дни на пыльной полке какого-нибудь базара или в пластиковом пакете Армии спасения, откуда ее с удовольствием выхватит бедняк, у которого не будет другой возможности в жизни носить такую элегантную одежду. И ничего не узнает. Как это вообще возможно, что в каждую ее нить не впишутся навеки эти ужасные секунды, одна за одной? А его замшевый портфель, видимо, получит в наследство сестра. Может, подарит его какому-нибудь любовнику, как и портсигар.

Стэффорд посмотрел в окно.

Забвение.

Вдруг его отвлек от раздумий писк компьютера. Он очнулся и тут же понял, что Лукас уже некоторое время лежит развалившись на столе. Его глаза были закрыты, голова лежала на руке, а другая рука свободно свисала с края стола. И не двигалась. На его лице разлилось пустое чувство облегчения, но совсем не блаженства. Он не шевелился, будто уже...

Но прежде чем Стэффорд успел испугаться, Лукас со всхлипом вдохнул и потихоньку поднял голову. Потянулся к клавиатуре и принял пару сообщений – среди них были и те, которые писал Стэффорд. Потом взял со стола листок, на котором были нацарапаны какие-то часовые данные, и посмотрел на дисплей на стене.

– Ровно сто двадцать пять минут. Как я и говорил, – забормотал он и оглянулся в поисках портфеля.

Хотя и не следовало, Стэффорд подошел и собрал с пола рассыпанные вещи.

– Ты не должен, Рой, – произнес Лукас, но портфель взял и открыл ежедневник на странице, заполненной записями о времени.

– Ты записываешь, сколько это длится?

– Мне нужны данные для экстраполяции, чтобы знать, когда это случится в следующий раз и как долго продлится, – бормотал Лукас. – Я не могу полагаться лишь на память. Странно, как боль искажает восприятие времени.

Его голос был так наполнен усталостью, что его трудно было понимать.

– Было бы слишком просто... лгать себе.

Пока он писал, Стэффорд аккуратно отодвинул диван – это было несложно, он стоял на колесиках, – и достал шприцы Лукаса. Тем временем Лукас закрыл ежедневник. Он сидел апатично, сгорбившись, будто теперь, когда все закончилось, его полностью покинули силы. Стэффорд подал ему упаковку, но Лукас ее даже не коснулся. На его лице промелькнуло выражение такого отвращения и брезгливости, будто ему дали мертвую крысу.

– Лукас... – Стэффорд откашлялся.

Он хотел сказать что-нибудь обнадеживающее, что-нибудь, что бы дало ему новые силы, но в голову приходили только клише. Он раздумывал, может ли позволить себе хотя бы коснуться его плеча в знак утешения.

– Не будем об этом, Рой, – сказал Лукас раньше, чем Рой Стэффорд успел что-либо придумать.

Он на секунду замялся, но потом все-таки коснулся упаковки и накрыл ее ладонью.

– Если сможешь, забудь то, что ты видел.

Забвение.

– Никогда, – выдохнул Стэффорд. – Я никогда не забуду о твоей победе.

Он сам удивился, что вообще это сказал, – уже многие годы не бывало такого, чтобы он говорил искренне. Только теперь он понял, что говорит это не ему, а своим собственным сомнениям, которые крутились в голове несколько минут назад. Невообразимой глупости, а также своей собственной смерти. Наконец он понял, что думал на самом деле: «Я никогда не забуду *тебя*».

Лукас встряхнул головой.

– Победа здесь ничего не значит, – тихо сказал он. – Считаются только поражения.

Он сжал упаковку шприцов в ладони и пальцем коснулся одной из пустых ячеек в пластике.

– Прежде чем использовать этот, я выдержал пять часов. Страшное время, Рой! Но все бесполезно.

Его голос был сухим, полным усталости и выплескивал целый океан безмерной горечи.

– Я все равно проиграл. И проиграю снова. В конце концов использую их все.

Он порылся в портфеле, но не нашел того, что искал. На его лице неожиданно промелькнула тревога. Лукас положил портфель на колени и начал торопливо разбирать его содержимое. Стэффорд понял, что он ищет черный портсигар, который остался забытым на полу.

Когда он подошел к нему и поднял, на пол выпал маленький металлический валик. Внутри что-то хрустнуло.

– Прошу тебя, осторожно! Не открывай! – резко встрепенулся Лукас. – Эту ампулу нельзя ломать.

«Еще какое-то лекарство, посильнее?» – подумал Стэффорд, подняв валик.

Но, увидев лицо Лукаса, он понял, что держит в руке. Он едва не поддался первой пришедшей в голову мысли – отбросить эту вещь подальше. Как можно дальше.

Лукас ничего не сказал. Стэффорд понял, что специально: пока Лукас молчит – выбор остается за ним. Он мог выразить согласие или возмущение. Он мог начать угрожать, что сдаст

его, потому что иметь при себе такое – абсолютно незаконно. Но, прежде всего, он мог делать вид, что ничего не понял. Все это пронеслось у него в голове, и все эти мысли он отверг.

– Должно быть, ужасное чувство – носить такое с собой постоянно, – сказал он.

– Чувство было еще ужаснее, пока мне не повезло добыть это, – констатировал Лукас, и на его лице промелькнула первая едва уловимая улыбка.

Стэффорд медленно положил валик в футляр и отдал Лукасу.

– Лукас, если я могу вам как-нибудь...

– Главное, не смотрите на меня с таким сочувствием, или я тоже начну жалеть себя. –

Лукас вернулся к формальному тону автоматически, как и Стэффорд; мгновение близости прошло.

Но потом он вдруг засмеялся и поднял голову.

– Хотя нет, наоборот! – Он щелкнул пальцами. – Сочувствие нужно тут же использовать для представления идей.

Уголки губ Стэффорда дернулись.

– Вы страшный человек, Лукас! Ну, используйте.

– Я отправлял вам доклад о Фомальхиве, в котором...

– Я читал, – прервал его Стэффорд. – Из-за этого я изначально и пришел.

Он задумался.

– Вы правы в том, что мы должны предпринять некоторые меры... но пока я еще не решил, кому это поручить. Лукас, если при таких обстоятельствах вы не захотите участвовать...

Лукас тут же стал серьезным.

– Если бы я не хотел участвовать, я бы не стал писать доклад, – произнес он без сомнений. – Я понимаю, что это *представление* в ваших глазах не сыграло в мою пользу, но все равно считаю, что Совет выиграет от того, что переговоры буду вести я.

Решительным движением он смахнул черный валик в портсигар, бросил его в портфель и встал с такой энергией, которой Стэффорд после всего, что было, не ожидал.

– Если позволите, Рой, я отойду переодеться. Потом можем обсудить.

– Конечно. Подожду вас тут.

Рой Стэффорд понял, что недооценил Лукаса. Возможно, он был болен, но не бессилен, и дела о Фомальхиве был действительно достоин.

Как и Фиона Фергюссон.

Глава четвертая Планы без планов

Фиона открыла дверь офиса, вошла и бережно закрыла ее за собой. Перешагнула две тонкие металлические палочки, лежащие скрещенными на ковре. Так. Этим ритуальным действием она закончила свое путешествие на территорию *темного недозверя* и снова притянула ауру *якоря*, которая ей все время помогала. На этом аудиенция у Роя Стэффорда была точно окончена.

Правда, если Фиона хотела четко придерживаться инструкций в главе «Магическое обеспечение» из брошюры «Мистические практики йогенских монахов», из которой она черпала всю информацию, палочки должны были лежать прямо на пороге; однако она не собиралась рисковать, ведь пока ее не было, их могла забрать уборщица. После этого она бы свою ауру уже никогда не вернула, что ослабило бы ее в астральном мире. Она не может позволить себе ничего, что бы дало *темному недозверю* и остальным фаллоносцам власть над ней.

Она обернулась, подняла палочки и бережно протерла их антистатической салфеткой. Хоть это и не совсем отвечало изначальным источникам, к сожалению, у нее не было настоящей кожи *ящера тйссй*, которого она сама бы убила и ободрала, потому что экологи продвинули закон против дальнейшего ввоза некоторых опасных животных в зоомагазины на Земле, а украсть его из зоопарка она не отваживалась. Кроме того, она любила животных и убить хоть одно из них противоречило ее принципам. К счастью, *Прастарая* ее заверила, что и такой профанный суррогат, как эта салфетка, вполне подойдет, если она ведома рукой с добрыми помыслами.

Фиона вложила очищенные палочки в бархатный футляр, который в свою очередь положила в сумку, и вместо него достала расческу и помаду. Она хорошо все рассчитала. До конца рабочего дня оставалась пара минут. Если все удачно повернется, Рой Стэффорд начнет предпринимать что-то лишь утром, а это значит, что у него будет целая ночь, чтобы поразмыслить о ее предложении. Потому ей стоило бы из дальновидности остаться на работе сверхурочно, если вдруг он ей позвонит. Это дело того стоит.

Она причесалась. Поправила макияж. После чего сидела перед включенным компьютером, но делать ничего не могла. «Господи, у меня так много работы, – сетовала Фиона мысленно. – Я могла бы хоть прочесть кучу комментариев, если не что-нибудь другое, – так почему я трачу время?» Но ее мысли уносились куда-то, и она не могла их сдержать. Каждую среду люди собирались в *ларддэне* уже в пять. Мысль, что ее там не будет, была невыносимой.

Странно. Ведь она сознательно спланировала, что сегодня туда не пойдет. «Это дело того стоит», – повторяла она целый день.

Еще утром она была согласна с этим утверждением.

В двери показалась голова Элис из архива анкетных отчетов.

– Пока, я побежала! Ты что тут делаешь? Не идешь сегодня заниматься?

– Много работы. – Она всем наврала, что ходит в фитнес-центр в понедельник и в среду – чтобы в эти дни ее не пытались звать выпить кружечку после работы; но правдой это было лишь наполовину. В фитнес-центр она ходила в понедельник.

«Почему я вообще об этом лгала? – подумала Фиона, помахав Элис и оставшись вновь одна. – Конечно, из-за удобства, чтобы не выдумывать каждую среду новые оправдания, но это ненастоящая причина. Почему у меня такое стойкое чувство, что людям, привязанным к этому миру, пустым, как эта девушка, нельзя даже догадываться, чем я на самом деле занимаюсь в среду вечером?»

Но ответ вытекал уже из того, что ей когда-то открыла *Прастарая*:

– *Все они лишь тени теней, танец мимолетности, туман на ветру. Урриймаё.*

Неудивительно, что Фиона старалась сохранить это в тайне: *«Туман ненавидит Солнце, как и Луну. О своих делах нельзя говорить никому ни слова».*

Минуты медленно капали в пустоту. Шаги и голоса в коридоре как волны поднимались, спадали, а затем исчезали. Фиона так нервничала, что даже принялась неосознанно грызть ногти – а ногти ее были идеально ухоженными, по последней моде покрытыми золотистым дрүэином и при комнатной температуре такими твердыми, что она чуть не сломала зуб.

«Вечер, среда.

Они уже собираются, а меня там нет».

Она снова порылась в сумке и достала другой бархатный мешочек. В нем было несколько камней. Фиона выбрала аметист, потому что он успокаивает душу и оказывает гармонизирующее влияние. *Прастарая* лично выбирала ей каждый камень: кроме аметиста, она также посоветовала сердолик, яшму, гематит и турмалин, потому что именно они в случае Фионы отвечают каждому осеннему харёкуну. Аметистов *Прастарая* отбросила в сторону сотни, пока не нашла для Фионы тот самый, но находкой своей была довольна. Она говорила, что это очень сильный камень, исключительный экземпляр своего вида, с ясной и отчетливой аурой, который Фионе идеально подойдет. И стоил он двести кредитов, но Фиона не жалела. За качество нужно платить.

Она сжала аметист в ладони. Но даже его гармонизирующая аура в этот раз не смогла избавить ее от раздражающего внутреннего беспокойства. Фиона, сама того не замечая, встала и начала ходить туда-сюда по офису.

«Шесть часов. Разговоры в кулуарах утихают. Все призванные и избранные проходят в глубь лавки и спускаются по ступеням. Обычные посетители туда никогда не попадут.

Там сердце всего.

А сегодня оно бьется без меня».

Она сидела и стучала по столу дрүэиновыми ногтями. *Полседьмого. Без пятнадцати.* Теперь из офиса точно можно уйти. Уже не казалось возможным, что спустя почти два часа после конца рабочего дня позвонит Стэффорд: он ведь о ней вообще не знает. Но... зачем же так спешить? Уже некуда. Разум говорил ей, что, даже если она выйдет прямо сейчас, из всей встречи застанет не больше чем последнюю четверть – и из-за этого не стоит ехать через весь город. Но что-то в ней отчаянно боролось с голосом разума. «Даже пять минут того стоят! Одна лишь минута! – Она тряхнула головой. – Ну нет, что бы я там делала так поздно? Кроме того, ведь ничего страшного. Я не обязана быть там каждый раз! Соберусь и поеду напрямик домой. Хотя бы вечер свободный будет». Но просто собрать вещи и выйти за дверь у нее не вышло. «Вот только... я должна была там быть».

В ней усиливалось странное чувство. Она знала, что это просто неправда – что *Прастарая* ее не ждет и что люди, которые там собираются, обойдутся и без нее; но при этом у нее не было сил сопротивляться. Она стояла перед компьютером, охваченная нерешительностью.

В восемь она уже не могла находиться в офисе. Отправилась в туалет – просто чтобы иметь предлог пройтись туда-сюда по коридору и хоть немного подвигаться, без упрека в попытке бегства. Знакомые стены, неживой белый свет, жесткий серый офисный ковер... – все это вызывало в ней призрачное ощущение нереальности.

«Я здесь и не здесь. Я... не там».

Когда она возвращалась, перед ней будто из-под земли вырос мужчина.

Он вышел из-за угла, медленно и тихо. Это было так неожиданно, что она чуть не уронила свой камень; но от взгляда на его лицо у Фионы перехватило дыхание. Она всегда видела его идеально опрятным, уверенным в себе, элегантным; его настоящее «я», если оно у него вообще было, скрывалось за стеной иронии и сводчатым потолком изысканных фраз, будучи неприкосновенным. Но теперь он не улыбался. Темные волосы, слипшиеся от пота, спадали на лоб. В его серых глазах светилась безнадежность. А его лицо... лицо было будто составлено из

кусочков глянцевой бумаги – на нем была видна каждая морщина и каждая тень, сотни пор, трещин и швов; фиолетовые жилки в кругах под глазами, потрескавшиеся губы. Фионе в ее призрачном состоянии мысли казалось, что его лицо не разваливается только по инерции, что вот-вот, при первом же порыве ветра, оно разобьется на мелкие осколки и исчезнет навсегда в небытии и пыли.

– Что с тобой случилось? – вырвалось у нее раньше, чем она успела подумать.

Она совсем забыла, что обычно они в коридорах даже не здороваются.

Он удивился. Причесал рукой волосы, чем слепил свои крепко слипшиеся пряди еще больше.

– Ничего серьезного, Фиона, – пробормотал он.

Он хотел обойти ее, но она не смогла вовремя сдвинуться с места и уступить ему дорогу. «Рё Аккүтликс... видеть его лицо таким!» Она все еще не могла прийти в себя. У нее мурашки бежали по спине от неожиданного осознания, что его гибель неотвратима.

«Как там говорила *Прастарая*?

Знамение Аккүтликса.

Некоторые люди излучают ауру смерти».

Аура смерти Лукаса Хильдебрандта была так отчетлива, что Фиона почти могла ее потрогать.

Он посмотрел на нее, но его взгляд тут же скользнул с ее лица на грудь, как это обычно бывает у фаллоносцев. На смену усталости в его глазах пришел внезапный интерес. Ну конечно, все мужики – свиньи! Фиона хотела сделать какое-нибудь едкое замечание, но он ее опередил.

– *Моя судьба и моя гибель, сжимающийся круг, душа в неволе, – я поддаюсь этому,* – сказал он. – Вот это да!

– Что? – спросила она.

Он уже не смотрел на ее грудь.

– Не бойся, эта квинтэссенция инопланетной мудрости точно не из моей головы, – заверил он ее ироническим смешком.

Пальцем он указал на ёсенский знак из черного металла, который она надела утром и который теперь виднелся в ее вырезе.

– Это так, если вдруг тебе интересно, что за надпись ты носишь на шее.

Этот его насмешливый, невыносимо оскорбительный тон! Фиона затряслась от ярости. Кто дал ему право с таким презрением говорить о вещах, которых он не понимает?! Может, он и умеет читать ёсенские знаки – в отличие от нее, стоит признать, – но их глубокий смысл обходит его стороной.

– Ты за свою заносчивость, Лукас, однажды заплатишься – это я тебе говорю! – зашипела она. – Я чувствую это. Вокруг тебя одна смерть!

Искорки сарказма в его глазах погасли. Ей даже показалось, что она его действительно задела: на его лице отразилась настоящая печаль, может даже страх.

– Точное попадание, Фиона. Подайся в гадалки – это нынче прибыльно, – сказал он.

Его голос звучал хрипло.

Она задумалась. Ей не хотелось напороться на очередную насмешку; с другой стороны, он выглядел действительно ужасно. Раз у него проблемы, ее обязанность – предоставить ему духовное утешение.

– У тебя есть предчувствие смерти? – спросила она.

Он покачал головой, и губы его снова скривились в язвительной усмешке.

– Предчувствия, к сожалению, нет. Все намного хуже, – посетовал он. – Как раз сегодня у меня дома сдохло пять пауков. Пять трупиков сразу, представь себе! Прямо как пять *харёкјінов Судьбы*. Как *священная Пятерка*! Вот это действительно плохое знамение.

– Идиот! – завопила она.

Потом прошла мимо него в свой офис и хлопнула дверью.

* * *

Пока Лукаса не было, Стэффорд просмотрел корешки книг на его столе. Он всего лишь искал что-нибудь почитать, но, когда увидел набор заголовков, нахмурился. «Интерпланетарное право», том 6, «История звездных колоний» Джинна, «Комментарий к Закону о гражданстве». Целая стопка других юридических книг – нет, такое ему отнюдь не по вкусу. Здание Совета было от основания до крыши полно юристов, которые пытались – уже не элегантно, скорее *хоть как-нибудь* – разрешить д-альфийский кризис. Стэффорд не хотел, чтобы Лукас занимался этим делом; правда, он не мог запретить ему в свободное время читать об этом, но все равно чувствовал бы себя лучше, если бы Лукаса это совсем не коснулось. Он взял в руки лежавшую сверху книгу – в ней было много закладок, а под ней лежали бумаги с пометками Лукаса. Теперь он мог только посмеяться над собой: да, он действительно до последнего момента надеялся, что от Лукаса каким-то чудом скроется то, что происходит вокруг.

Он еще держал книгу в руках, когда Лукас вошел в дверь. На нем была чистая рубашка из прекрасного герданского шелка, волосы расчесаны; с его лица даже почти исчезла эта страшная бледность. Может, он и не признавал анальгетики, но земная химия двадцать седьмого века может и не такое. Она знает невероятно действенные энергетические таблетки, изобрела эффективные дезодоранты... а еще в какой-то мере спасающую от смерти краску. Только круги под глазами смыть не удастся.

– На свое несчастье, я, конечно же, столкнулся за углом с Фионой, – произнес Лукас. – Она спросила, что со мной, почему я выгляжу так плохо, а я сказал, что грущу из-за пяти мертвых пауков. Фиона любит животных. Она почти плакала, так растрогалась. Когда она у вас об этом спросит, я надеюсь, вы меня не выдадите, Рой! – добавил он с виду серьезно, но в глазах его искрилась насмешка.

Стэффорд улыбнулся с благодарностью за то, что Лукас освободил его от переживаний. Это была абсурдная попытка пошутить, но все лучше, чем говорить снова на эту душераздирающую тему.

– Даю слово, Лукас.

Пока Лукас убирал в шкаф свою помятую одежду, глаза Стэффорда снова опустились на шестой том интерпланетарного права. Он откашлялся.

– Я вижу, что у вас тут за книги. Не стоит тратить время на Д-альфу. У меня для этого множество работников, которые не могут ничего лучше, чем копаться в законах. Медианты, конечно, создали вокруг колонистов шумиху, но на самом деле это ясная и несложная ситуация. Жаль вас для такого дела.

– Как вам угодно, Рой, – сказал Лукас нейтрально.

Стэффорд готов был поклясться, что в его голосе слышен едва сдерживаемый смех, и мог только ругать самого себя, что испытал на нем такую прозрачную уловку. Но когда Лукас закрыл шкаф и посмотрел на него, он совсем не улыбался.

– Правовая сторона вопроса действительно несложная, – заявил он. – Потому я соглашусь, что нет смысла заниматься Д-альфой. Это дело уже не в наших руках. Как говорят оссеане: «Предсказуемым образом оно неизбежно придет к предсказуемому концу».

– Ну... я вижу, у вас уже есть свое мнение, – констатировал Стэффорд без особого удовольствия.

Лукас говорил завуалированно, как, впрочем, и всегда, но в том, что правда за колонистами, он, очевидно, не сомневался. Как и в том, какие последствия будет иметь результат

конфликта для Совета. Конечно, еще была надежда, что он ошибается. Стэффорд сдержанно улыбнулся.

– Ну да, Рой. Вы обо всем этом тоже думали, – сказал Лукас и шагнул в его сторону. – А еще вы думаете, что бы могло быть нашим тузом в рукаве.

Он остановился перед ним и осторожно взял книгу из рук Стэффорда.

– Но пока речь идет о фомальхиванине и его... потенциальном вкладе, есть одна существенная проблема. Если он умеет читать мысли – а д-альфийцы сходятся на том, что умеет, – нам нельзя даже пытаться его использовать в наших целях. Другими словами – никаких фокусов.

– Мы ведь и не собираемся...

– Конечно, не собираемся, как бы мы могли? – согласился Лукас. – Но иногда, бывает, в голове промелькнет какая-нибудь нехорошая идея, а? Такое случается и с лучшими из нас. А он ее прочитает.

– Тогда с ним должен вести переговоры кто-то непосвященный.

– Непосвященных нет. Я много об этом размышлял, Рой, серьезно. Нужно дать переговорщику хоть какие-то инструкции, раз он должен придерживаться вашего замысла. Он вряд ли достигнет цели, о которой не знает. Но даже если и получится организовать, это будет значить, что в дальнейшем ни вы, ни я никогда, вообще никогда, не должны лично встречаться с фомальхиванином. Для меня вопрос решенный, а вы? Если не повезет, вы доживете до ста пятидесяти. Вы же не можете все это время систематически избегать всех официальных интервью, пресс-конференций и приемов так, чтобы это не вызвало подозрений. И если ему лично это не покажется странным, это заметит кто-нибудь из его окружения, и до него все равно дойдет; а потом он вас найдет, чтобы узнать, в чем дело. К тому же мы понятия не имеем, играет ли для телепатии роль физическое расстояние. Может, до Ёссе он не дотянется, но, возможно, достаточно быть в одном городе. В общем – если мы не знаем пределов его способностей, мы должны учитывать худшие варианты и заранее смириться с тем, что от него мы тайн не скроем.

– Это очень пессимистичное предположение.

– Я всегда стараюсь смотреть на вещи реалистично. – Лукас вздохнул и положил книгу на дальний конец стола. – Я записал для вас все, что выяснил о Фомальхиве и колонизаторском корабле – из архивов, баз данных, от людей с Д-альфы – в общем, отовсюду, откуда только можно, – но, может, вы заметили, что это лишь факты, а не предложения, как поступать дальше. На самом деле, конечно, у меня есть точное представление, но я сознательно не хочу его четко формулировать.

Он посмотрел в глаза Стэффорду.

«У него та же идея, что и у Фионы?» – промелькнуло у Стэффорда в голове.

– Хоть немного намекните, Лукас. Каков план?

Лукас покачал головой.

– *У меня нет плана!* Скажу по-другому: лучший план в данной ситуации – это отсутствие какого-либо плана. Фомальхиванина, очевидно, пытается использовать целый ряд людей – медианты, разнообразные секты и спиритические кружки, политики, психологи, доктора. Можете себе представить весь этот сброд? Нельзя быть, как они.

Он все так же не сводил с него глаз.

– Вы понимаете, о чем я, Рой?

Стэффорд переступил с ноги на ногу. В том, понимает ли он, уверенности не было.

Лукас некоторое время напряженно за ним наблюдал. Потом на его лице промелькнуло нетерпеливое выражение; он отвернулся, запустил руку в волосы и уставился в окно.

– Ключевым станет момент, когда мы попытаемся забрать его с Марса, – произнес он. – Ситуация для нас неблагоприятная. Медианты...

– У медиантов ничего не выйдет! – прервал его Стэффорд.

Он махнул рукой.

– У нас против них есть большое преимущество – они все еще не выяснили, что один из д-альфийцев на самом деле никакой не д-альфиец. Эта свора его, конечно, выследит сразу, как первый корабль приземлится и первый писака заговорит с первым колонистом, но, если мы поторопимся, на тот момент он уже будет в нашей ракете.

– В случае, если мы *убедим его сесть в нее*, – сказал Лукас с иронией.

Рой Стэффорд удивился:

– Вы думаете, что проблема будет именно *в этом*?

Он с недоверием покачал головой.

– Мне так не кажется. Никого не нужно убеждать улететь из такой дыры, как Деймос II!

– Он с удовольствием улетит – в этом я не сомневаюсь. Вопрос в том, с нами ли.

Лукас на мгновение закрыл глаза, а Стэффорд осознал, что он наверняка с огромными усилиями преодолевает усталость. Также он не понимал, как после случившегося он вообще может думать и говорить связно. Жаль, что итоги, к которым он приходил, были мало обнадеживающими.

– Человек, который без какой-либо помощи добрался с Фомальгаута до Проксимы Центавра, точно сможет добраться и с Марса на Землю. Мы ему в принципе совсем не нужны, Рой. Во всех отношениях! Мы можем только надеяться, что, если без тайных умыслов предложим ему нечто достаточно ценное, он сам примет решение к нам добровольно присоединиться.

– А не рискованно ли полагаться на его благосклонность?

– Все остальное намного более рискованно. Единственное безопасное оружие – это искренность.

То есть Лукас хотел попробовать по-хорошему. Что бы он сказал о плане, построенном на шантаже, с которым пришла Фиона? Стэффорд быстро размышлял.

Тут вдруг он четко понял, чего добивается Лукас, – и в ту же минуту заметил *настоящую* возможность.

– Нам в целом нечем его завлечь, – произнес он так, будто размышляет вслух. – Ваша теория имеет место... но что бы такого подстроить, чтобы его это заинтересовало? Не слишком грандиозное, потому что так он поймет, как высока его ценность для нас...

Пока вслух Стэффорд мудрствовал, в голове его шла напряженная работа.

– Конечно, как вы говорите, прочитав наши мысли, он все узнает; но если на этом не делать акцент, может, он не осознает всех последствий...

Он провел рукой по бороде и поднял голову, будто только что нашел решение.

– Вот оно! Мне кажется, что лучшим вариантом будет послать за ним красивую женщину. – С заговорщической улыбкой он посмотрел Лукасу в глаза и добродушно добавил: – У Фионы Фергюссон есть преимущество, с которым вы ничего не поделаете, Лукас. Вспомните обо всех яблоках – Ева, Парис... и вообще! История нас учит, что женское обаяние может привести чаши весов в неожиданное положение.

Лукас и бровью не повел.

– Вы действительно думаете, что именно этого будет достаточно? – лишь спросил он.

Стэффорд мысленно выставил ему максимальный балл за идеальное самообладание.

– Конечно, самого по себе – нет, но я ведь и не пытаюсь подбросить ему какую-нибудь тупую блондинку в постель, а предлагаю приятную собеседницу! – мудро рассудил он. – Фергюссон, конечно, блондинка – это да, но она интеллигентна и деловита. Готов поспорить, она мне его приведет.

Он принял рассеянный вид человека, полностью занятого мыслями. Затем кивнул Лукасу и направился к двери.

Решение было принято. Он едва ли мог яснее дать понять, что не хочет слышать возражений.

– Это тоже в некотором смысле ловушка, потому она должна быть продумана до последней детали, а также последствий, – заметил Лукас за его спиной. – Вы представляете, как далеко Фиона захочет зайти в этом деле?

– Ей я, естественно, преподнесу все иначе, – заявил Стэффорд, – что по вашей собственной теории означает, что даже фомальхиванин не узнает.

«А еще я многого не скажу тебе», – подумал он; вслух же избежал каких-либо замечаний. Он сбежал настолько быстро, насколько мог.

Когда речь шла о способности догадываться обо всем на основе простых намеков, он точно не недооценивал Лукаса Хильдебрандта.

* * *

Едва Рой Стэффорд вышел в коридор, лицо Лукаса больше не должно было поддерживать возвышенного выражения, потому скривилось от отчаяния. Он не позволял этого себе, в его планы не входило печалиться: «*Рё Аккјтликс*», как говорили өссеане, «*Боже сохрани*». Во всей безнадежности, которую он ощущал, виновата была усталость. Только усталость.

Мысленно он проклинал свою голову и неверный расчет времени. Этого никто не должен был видеть, Рой Стэффорд уж точно. Лукас не был глупым, чтобы не понять, когда его шеф лжет – или когда пытается что-то замолчать. Видимо, изначально он пришел, чтобы отправить его за фомальхиванином, но после того, что увидел, передумал.

Лукас подошел к столу и свалил в кучу все свои заметки о Фомальхиве. В последнее время все документы он складывал очень аккуратно – с мыслью, что уже скоро их примет после него кто-то новый; но в этом случае порядок уже был неважен. «Раз уж нужно сделать театральный жест, пусть оно того стоит», – рассудил он и запихнул целую пачку в молекулярный шредер. *Рё Аккјтликс*, четыре недели работы! Десятая часть всего времени, которое у него было. Вот только Фиона его ненавидела – это он уже давно понял: он даже знал точный день, час и минуту, когда вызвал в ней эту ненависть, так что никаких сомнений не было. Она бы все равно из его заметок ни одной буквы не взяла.

«Должно быть, чтение их стихов в оригинале так возносит, – зазвучал в его памяти ее восхищенный голос. – Такие вещи обогащают человека внутренне».

Он позвал ее тогда в кафе, потому что у нее были красивые ноги, соответствующе интеллигентный вид и неоспоримый шарм; но он даже не предполагал, до какого потока якобы одухотворенной болтовни дойдет дело.

– Ты был на Благословенной Ёссе, Лукас. Случалось ли там с тобой что-нибудь мистическое?

Он не верил своим ушам. Ему захотелось начать рассказывать, что на Ёссе в каждом доме особый трубопровод, похожий на газовый, и через него люди пускают аромат ладана и медитируют над ним, но сдержался.

– Мистические события меня избегают. Я не отношусь к кругу избранных Аккүтликсом, – только и ответил он, и загордился, как деликатно ему это удалось.

Однако глаза Фионы наполнились неподдельным состраданием. Она понизила голос.

– Лукас? – спросила она сочувственно. – Он тебе дал какой-то знак своей неблагосклонности?

Если бы Лукас не осознавал, что такое просто невозможно, ему бы показалось, что в ее голосе звучит настоящий священный трепет.

– Аккүтликс бы себе этого не позволил, – быстро заверил он ее. – Между нами господствуют отношения вооруженного перемирия.

В этот момент Фиона поняла, что он над ней издевается, и ее глаза заблестели от ярости.

– Ты однажды заплатишь за такое богохульство, Лукас! – зашипела она.

Фиона грохнула чашкой об стол, залив скатерть, и прошагала к выходу из кафе. Лукас мысленно вычел пять баллов за досадную непоследовательность. Действительно крутая дама вылила бы кофе ему на голову.

«Может, она и была права – судя по обстоятельствам, так и выходит, – подумал он теперь с ухмылкой. – Что, если моя болезнь – это и правда месть Аккүтликса?» Но это все равно не сподвигло его сорваться и побежать добывать талисман. Талисманы уже ни к чему. Он хорошо знал, что из своей насквозь скептической души никак не высечет истинную слепую веру.

Однако современным технологиям верить было легче – они гарантированно работали.

«Что плохого случится, если я это сделаю?» – подумал Лукас в тысячный раз. Он тяжело упал на стул – раньше, чем ноги его предадут, – и взгляделся в алые опухшие царапины на руке. До этого он совсем их не ощущал, но теперь они горели огнем. «Что изменится? Я ведь не незаменим. Будет ли мой пепел качественнее, если я буду бороться на пару несчастных дней больше? Едва ли».

Рабочее время так давно кончилось, что его уход уже никто не мог посчитать побегом, но он все равно не мог решиться выключить компьютер и уйти. Уже шесть месяцев он чувствовал смерть, стоящую за спиной и держащую руку у него на затылке, из-за которой он ненавидел вечера, ненавидел ночи. Он брал работу домой и сидел над ней до утра, до состояния такого изнеможения, что уже не был способен воспринимать информацию, после чего падал на кровать с чувством, что проиграл очередной день. Но сегодня не было ничего, что можно бы было взять домой. Он остался один на один со своей навязчивой смертью.

«Спротивляться – это глупо. Тем более когда сам собой напрашивается путь куда легче. Столько людей уже пошло по нему, почему бы не пойти и мне?»

Неожиданный импульс – или, скорее, накопленное сверх критической меры количество отчаяния – заставил Лукаса включить свой нетлог и попытаться извлечь из его памяти ролики, которые на нем когда-то, в самом начале, выдал эмиттер рекламы в приемной доктора Петерсона. Хранятся ли они до сих пор? Он никогда их не открывал – но и не удалил, что уже о чем-то говорит. Его самого удивило, как быстро ему удалось найти эти адреса.

«Медицинский информационный центр, комплексные услуги». Он устоял перед предложениями о трансплантации волос, клонировании груди и искусственных зубах и перешел сразу к виртуалам.

«Станьте вторым Казановой, неотразимым соблазнителем, у ног которого лежат женщины», – манила его кокетливая русая девушка с глубоким декольте. Она немного напоминала Рут Дэш с Д-альфы. Лукас решил, что будет иметь это в виду, и листал дальше. Достаточно быстро он рассудил, что «Бесстрашный Конан-варвар» и даже «Зигфрид, истребитель троллей» – карьеры не для него. На мгновение его привлекла «Битва за Эридан – история генерала Артура Трисмегистоса Кея», но не потому, что он мечтал прочувствовать на собственной шкуре вторжение эриданцев и поучаствовать в их *элиминации*, а потому, что это напомнило о корабле на Фомальхиву, который был запущен через полстолетия после вторжения и в честь генерала получил его имя. «Корабль „Трисмегистос“, затерянный в космосе». Лукас горько усмехнулся. И тут же отверг не только Трисмегистоса, но и виртуального Уильяма Текумсе Шермана и Мао Цзэдуна. Он оставил без внимания даже «Славу Древнего Рима – историю великого Цезаря», хотя в этом могло быть свое очарование, если быть осторожным и в марте не высовывать носа из своего криптопортика. Следом он без интереса пролистал и биографии кучки очередных полководцев, государственных деятелей, диктаторов и болтунов.

«Спасатель Ларри, красавец с пляжа» ему не слишком импонировал, хоть он и был якобы «классным парнем, загорелым и мускулистым, по которому с ума сходят женщины всех возрастов» – Лукас не хотел закончить дни в окружении похотливых бабушек. Он также не чувствовал себя «Джо, отчаянным бандитом», хотя не сомневался, что перед смертью надавал бы краснокожим и шерифу, как полагается. Он вздохнул. Сам виноват, что не хватает фантазии.

«Чем я вообще занимаюсь, черт возьми?!» – подумал он с нарастающим отчаянием. Он обещал себе, что никогда не будет смотреть эти ролики. Виртуал был для Лукаса синонимом трусости – он с трудом мог представить себе более жалкий конец, хотя именно так, с головами, обмотанными электродами и набитыми потребительскими мыслями, умирали все старики, одинокие и неизлечимо больные. Не стоило упоминать виртуал при Стэффорде! Что скажешь вслух – то становится реальностью.

Лукас упорно листал дальше: раз уж он начал, то был намерен довести дело до горького конца, хотя дальше было уже не то. В том, что он не хочет быть «Успешной современной женщиной», «Топ-моделью Кейт» и «Соблазнительницей Саломе», он был уверен; «дать волю своей любви к лошадям в трогательной судьбе жокея Виктории» он тоже не собирался; не привлекли его и «Милый младенец Пуцлик и его мама». Но в конце концов интересным выглядел «Агент интерпланетарной тайной службы в борьбе с өссенской преисподней». Звучало неплохо, его всегда интересовало инопланетное общество, но он подозревал, что, будучи сыном профессора өссеистики и проведя четыре года в посольстве в Пертүне, знает о ситуации в тех краях больше, чем создатели программы. Было бы неприятно, если б его спокойной смерти мешали досадные топографические расхождения.

Со вздохом он снова закрыл страницы о виртуале.

Ну, теперь разве что какая-нибудь церковь.

Будь он верующим өссеанином, то, разумеется, уже бы несколько месяцев назад отдал свою кровь Аккүтликсу, в его изящное вместилище из рубинов, и все бы закончилось с приятным осознанием, что он обеспечил себе теплое местечко на небе. Ах, старый добрый Рай! Или, лучше сказать, *Космический круг Совершенного Бытия*, как его называли өссеане. Вот там-то было бы здорово! Но, к своему сожалению, Лукас серьезно подозревал, что именно он – один из тех, которых к Аккүтликам принципиально не возьмут. Была еще проблема: он не мог молиться – не только в человеческих, но и в инопланетных храмах. Когда ему было четырнадцать или пятнадцать лет и от өссенской литургии его уже тошнило, *Космический круг Совершенного Бытия* он мысленно исправил на *Комический дух Откровенного Ньтья*, и, к сожалению, даже теперь, когда ему было тридцать пять, именно это приходило в голову каждый раз, когда он слышал священные слова. В этом и была загвоздка. Конечно, он пытался взяться за ум, отбросить старые инфантильные шуточки и подойти к делу с подобающей серьезностью. Ведь люди часто прибегают к религии, когда их прижмет, особенно за несколько недель до ожидаемой смерти. У каждого есть право провести ревизию своих юношеских взглядов и не считаться после этого оппортунистом! Но для Лукаса все было не так просто.

Он усмехнулся. «Может, в следующий раз, Аккүтликс, – подумал он. – О Господь, наивысший из наивысших и наиславнейший, Маяк, Пристань, Пьющий души, Звезда звезд». Лукас закрыл стол, устало поднялся и направился к шкафу за пончо.

Глава пятая

Глеевари

Это не могло пройти мимо нее. Глеевари всегда все замечает: это профессиональная болезнь – знать о вещах, о которых лучше не знать. Камёлё видела тяжелую, мрачную массу храма, тень за левым плечом, огненную вспышку в зоне периферического зрения от вечернего солнца, которое преломляется на роскошных воротах из титана и стекла; при этом в ее голове оно отзывалось ядовито-алыми вспышками.

Крик.

Она вздрогнула. «Пусть это останется внутри. Пусть стены будут как можно выше. Не слышу, не вижу: а зачем? – говорила она самой себе. – Ведь это происходит постоянно. Каждую минуту, повсюду во Вселенной, со мной и без меня. Я не могу ничего изменить!» Отрезать себя от обостренных чужих эмоций, не переживать все с каждым из них – для человека с телепатическими способностями это жизненная необходимость. Мимо храма она ежедневно проходила по дороге с работы и давно уже рассчитала, что лучше избегать прямых взглядов. «Концентрированная өссенская роскошь: возьми пять кило фанатизма, банку эгоцентризма, комплекс мессии и тонну трупов, тщательно перемешай и вари десять тысяч лет». өссенская история была долгой. А традиции – как крепко затянутая колючая проволока. Именно она, Камёлёмёэрнү – или лучше Камилла Мёэрн, как она представлялась здесь, на Земле, – была последним человеком, которому стоило вмешиваться в этот котел.

Но скрытые чувства овладевают человеком, даже если он не хочет принимать их близко к сердцу. Там, внизу, в глубинах воспоминаний и грехов, постоянно что-то да остается. Факт, который человек хотел и должен был забыть, потому что он был слишком гнетущим. Прошрое, которое ни с того ни с сего нападает со спины. *Пересечение событий*. Дело было не только в чужих мысленных порывах, которые доносились до нее из храма, но и в ее собственных воспоминаниях. А они навалились на нее с такой мощью, будто она попала в невидимую сеть невидимого убийцы, связавшую ей ноги. Она вдруг просто не могла продолжать идти.

Зйрёгал...?! Здесь?!

Камёлё мысленно ругала себя, но уже сменила направление и перешла площадь. Осторожно осмотрелась. Затем проскользнула в узкую улочку возле костела. Тут было спокойно. Под защитой *глееваринской невидимости* она могла осмотреть все как следует.

Она подняла глаза к огромной массе храма над собой. Здания в Н-н-Йорке в основном стояли прижатыми друг к другу, но Церковь Аккүтликса даже в таком перенаселенном городе приобрела достаточно большой участок, потому что, как звучало в Законе Божьем, храм не должен касаться ничего светского. Теперь его, однако, коснулись руки Камёлё – даже слишком светские. Костел имел непропорциональную круговую планировку. Камёлё боком протискивалась в сужающуюся щель до тех пор, пока дальше уже двигаться было невозможно. Она разулась, оперлась о стены храма и ближайшего здания и начала взбираться наверх. К счастью, на ней были ее любимые черные легинсы, толстые носки и старый джемпер, а не какой-нибудь элегантный костюм. Это было бы весьма некстати.

Камёлё остановилась на первом карнизе, в пятнадцати метрах над землей, с раскинутыми руками и пальцами, вцепившись в колонны с каннелюрами. Дальше стены отклонялись друг от друга: земная была совершенно отвесной, в то время как өссенская уходила под наклоном вверх, поднимаясь высоко и протыкая небо остриями пяти башен. Камёлё уткнулась лбом в темный сланец, которым было выложено все здание, следила за знаками и оценивала свои возможности.

Внутри был зйрёгал, с которым ей нужно было поговорить, но был он там по конкретному делу. Часть ее мыслей воспринимала непрерывные волны ужаса. Некий өссеанин испы-

тивал неподдельный страх, очевидно стараниями зүрэгала. Камёлё, как всегда, почувствовала необходимость побежать ему на помощь, потому что к тому, чтобы без права на благодарность обжигать пальцы из-за чужих людей, у нее было больше склонности, чем у других. Но разум говорил ей, что, вмешавшись, она повторит ту же ошибку, из-за которой ей пришлось покинуть Ёссе. Если она расстроит планы зүрэгала, то может похоронить все свои надежды однажды вернуться домой. Четыре года изгнания уже послужили ей хорошим уроком. С другой стороны, неисправимой альтруисткой она тоже не была.

Вдруг она почувствовала резкий порыв эмоций. Нет, не такой силы, которая бы свидетельствовала о смерти ёссеанина. Зүрэгал лишь причинял ему боль. Камёлё крепко закрыла глаза. Содрогнулась от отвращения. Зүрэгал продолжал – медленно, методично и, кажется, совсем без злобы. Как и стоило ожидать, из его мыслей до Камёлё не доносилось ровным счетом ничего.

Зато сознание ёссеанина было для нее как на ладони. В нем закрепился образ Аккүтликса, крепкий свод религиозных представлений, который сдерживал ледяной страх. Должно быть, он был глубоко верующим, может и священником, и во всем, что с ним происходило, несмотря на весь ужас, он видел священный смысл. Лардөкавдарский механизм в нем неудержимо набирал обороты – вся эта куча мантр, молитв, головокружения и лжи, – а боль лишь все усиливала. Камёлё знала, к чему это приведет. Мысль способна загипнотизировать лардөкавдара, готовящегося к жертве, так сильно, что он закончит в упоительном экстазе и полном помешательстве. Нет ничего чрезмерно страшного, ничего чрезмерно жестокого, если речь идет о том, чтобы быть достойным Аккүтликса. Ему хотят пожертвовать себя до последней капли крови, соединиться с ним в растянутой до бесконечности смерти. Были и такие, кто умирал на протяжении нескольких дней, и ничто не могло этому воспрепятствовать, ничто не могло ускорить процесс. И даже если бы она вдруг решила разбить ближайшее окно, броситься вниз и после заранее безнадежного боя вырвать этого беднягу из зүрэгаловых когтей, – скорее всего, этот процесс в себе он все равно не смог бы остановить.

Так, как когда-то не смог ее отец. И ее брат. То же почти случилось с ней.

В некоторых обстоятельствах невероятно сложно не убить себя.

Камёлё вздохнула и решительно стряхнула порывы ностальгии. На алтарях на Ёссе ежедневно обрывались жизни сотен людей, потому нет причин жалеть именно этого больше, чем остальных. В конце концов – что может быть лучше, чем смерть, когда человек уверен, что в ней есть смысл? Гораздо больше ее беспокоило другое. Почему зүрэгал прилетел на Землю без объявлений и, судя по всему, никем не признанный? Он был глееварином, одним из лучших. Конечно, когда было необходимо, он мог передвигаться инкогнито и быть практически невидимым. Так смогла бы и она со своей подготовкой. Но ее волновало не «как», а «почему». Насколько серьезна причина, заставившая его покинуть Ёссе? Действительно ли он так напрягался лишь для того, чтобы принудить одного миссионерского священника на Земле совершить суицид на алтаре?

«Возможно, он прилетел из-за меня – сообщить, что меня помиловали и я могу вернуться домой», – подумала она. И усмехнулась. «Да, конечно, так и будет; а еще какие идеи?» Было бы здорово думать, что Собор снова откроет ее дело и изменит решение – конечно, не из-за права или сочувствия, а хотя бы из такого чисто прагматического принципа, что глееваринов на Ёссе отчаянно не хватает. В любом случае в такой поворот событий поверить сложно. Помилование на Ёссе – редкий случай. Тем, что Камёлё в свое время устроила у айё Аккүтликса, она выиграла финальное испытание Божьего суда, потому ей позволили отправиться прямоком на космодром, не пытаясь ее убить. Надеяться на что-то лучшее было невозможно.

Куда там, присутствие зүрэгала точно не имело к ней отношения. Однако причину можно попробовать выяснить. И лучший момент для этого – прямо сейчас, пока внимание зүрэгала направлено на бедного священника.

Протонация святыни и всего подземелья была оттенена мицелиальной завесой, что для храмов естественно, но кольцо жилых помещений на верхнем этаже было видно четко. Камелё уже составила представление о внутренней планировке. Осторожными шагами она прошла по карнизу к ближайшей башне, к пятнадцатому из узких сквозных окон. Оно вело в одну из монашеских келий. Она сконцентрировалась на полной невидимости, прежде всего в экстра-сенсорной сфере. Если не проявить осторожность, зүрёгал легко ее раскроет – это было так же несомненно, как то, что именно эта келья – та самая; в протонации было абсолютно все, что не было кем-либо скрыто. Камелё наклонилась и заглянула внутрь.

Она знала зүрёгала – тот был одним из двадцати зүрёгалов верховного жреца Саксаёрюэля, и хотя лично она с ним никогда дел не имела, но помнила точно, что он костлявый, мелкий и враждебный. Священник же был мощным оссеанином средних лет, на голову выше. Если бы он захотел, то мог бы врезать зүрёгалу и убежать; но ему, конечно, это и в голову не придет. Он молча стоял, с закрытыми глазами, прижав пальцы к плечу. Его лицо было сплошной открытой раной. Раньше его покрывали густые ряды ритуальных колечек, но сейчас они значительно поредели. На их месте теперь висели растерзанные клочья кожи. Зүрёгал держал в руке металлический крючок, которым выдергивал одно колечко за другим и бросал на пол. С лица священника струилась кровь, капала на облачение, на рукава, а иногда и на пол. Но мужчина не двигался, не издавал ни звука. Его мысль, даже более того, все его «я» сотрясалось до самого основания. Оно выдиралось с корнем, как и колечки из плоти, и неудержимо набирало обороты, ослепленное саморазрушительной миссией.

«Последнее снимаю, от чего отказаться должен, нагой в своей смерти», – мелькнул в голове Камелё отрывок стиха. Она вздрогнула. Едва остановила свои пальцы, почти дотронувшиеся до шрамов по бокам от носа. Ее восприятие тогда не было заглушено блаженной слепотой. Боль была пронзительно-острой и сопровождалась ничем не подавляемым страхом смерти. И что хуже – даже спустя четыре года шрамы от колечек были видны, вне зависимости от марки пудры или серебряных блесток, которыми она пыталась их замаскировать, когда время от времени в ней просыпалось самолюбие.

Конечно, лицо этого мужчины уже не было так важно.

Он не выживет.

Камелё медленно слезла с окна. Она не собиралась ему сочувствовать, ни в коем случае. Но если она хотела, чтобы ее планы по бесчувственности выполнялись, именно на это ей смотреть не стоило. Да и в целом это излишне. Эти двое уже все равно все основное сказали, так что она едва ли может подслушать какой-либо разговор.

Да, ей стоило исчезнуть, но она не решалась. Камелё просто не могла вот так взять и уйти. Стояла на карнизе спиной к стене и лицом к небу, с точки зрения протонации находясь в неразличимой серости, и ждала. Она так привыкла к постоянной осторожности, что на всякий случай приготовила несколько «заплаток» – простых образов пустых крыш и карнизов, которые теперь имела возможность рассмотреть. Всегда хорошо иметь под рукой что-то, чем можно замаскировать следы в протонации, когда уходишь в спешке; бывают ситуации, когда просто нет времени быстро что-то воссоздать.

Наконец раздался голос зүрёгала, дающего последнее благословение. Ее внутреннее зрение тут же подсказало, что он покинул келью.

Камелё знала, что сейчас произойдет: суета в коридорах, протяжные звуки труб, вскрытие сундуков, блеск лезвий, белое полотно, звуки шагов, тревожная спешка. Зүрёгал тормозит оставшихся священников, все сбегается к алтарю, зажигают свечи и начинают вступительным пением лардöкавбарскую мессу. Зүрёгал, конечно, обряд наблюдать не будет. Если она хотела с ним поговорить, ей стоило бы спуститься вниз и переместиться к выходу, ведь как только он исчезнет в запутанной сети Н-н-Йорка и примется закрывать протонацию, она не найдет его никогда в жизни.

Да, стоило бы.

Вместо этого она в два шага оказалась снова у окна, коснулась руками стекла и с помощью глееваринских навыков приподняла раму. Сам факт, что она вступает в здание храма Аккүтликса, в ее случае был тяжелой провинностью, но она об этом не беспокоилась. Если говорить о грехах, которые она собирается совершить в ближайшие мгновения, этот – один из самых легких. Камёлё пролезла внутрь – окно было у самого потолка, почти в трех метрах над полом кельи. Она тихо спрыгнула вниз.

Священник обратил на нее свой взгляд. Он стоял посреди помещения, не двигаясь и опустив руки. Он даже не пытался остановить кровотечение. На ее присутствие он реагировал лишь безразличным взглядом. Камёлё подумала, что уже и вправду слишком поздно.

Она быстро обошла помещение, ладонями провела по стенам и хотя бы чуть-чуть затемнила протонацию от внутреннего зрения зүрёгала. Затем подошла к священнику и взяла его за залитые кровью плечи. Трёйгрү установилось мгновенно – оба они находились под влиянием сильных эмоций.

– Не делай этого, – сказала Камёлё священнику. – Аккүтликс не хочет твоей крови. Они используют тебя.

В его глазах она видела сопротивление самому факту существования такой возможности. Ее слова причиняли ему куда большую боль, чем разодранное лицо. Он был готов сделать все что угодно ради Аккүтликса – *что угодно* и без каких-либо вопросов, а еще желательно без размышлений. Величайшая боль казалась ему не такой пугающей, как сомнения.

Священник отступил на несколько шагов. Камёлё чувствовала, как он удаляется от нее и в мыслях, как старается отвести глаза, но шла за ним и поддерживала трёйгрү, несмотря на его сопротивление. «Я все-таки попробую, – решила она. – Чем дать ему поддаться поражению». Она подкрепила свой взгляд внушением и начала шаг за шагом ломать его решимость, как ее учили на глееваринской подготовке, когда объясняли, как внушить человеку свою волю. «Очнись! Проснись!» Ее приказы пульсировали в его голове. Он сжимался под их тяжестью, и взгляд его стал измученным и несчастным.

– Тебе лгали от имени Аккүтликса, – произнесла Камёлё. – В твоей жертве нет нужды. Его затрясло.

– Прошу... – забормотал он.

Из его горла неожиданно вырвался всхлип.

Камёлё замерла в удивлении. Он был так невероятно несчастен, что она просто не могла продолжать. «Рё Аккүтликс, на что я вообще замахнулась? Почему я пытаюсь вернуть его обратно к жизни?» Она отвела глаза, и трёйгрү прервалось. «Если я сейчас сломаю его решимость и он очнется, а там у алтаря откажется умирать, его выгонят, как выгнали меня. Разве выживание на чужой земле лучше, чем прекрасная мученическая смерть?» Она снова посмотрела на него, но уже совсем не чувствовала прежней уверенности.

Теперь, когда Камёлё уже не держала его так крепко, священник наконец обрел речь.

– Нет! Это ты лжешь! – выпалил он. – Это воля Аккүтликса. Это воля Собора – нарушить таинство Далекозерцания. Я с радостью жертвую своей кровью, с радостью... с радостью... я...

Слова умирали на его губах, будто высыхали под ее взглядом. Камёлё поняла, что ей все-таки удалось зародить в нем сомнения. Его изначальную исключительную решимость дополнял страх, которого зүрёгал своим внушением начисто его лишил. Теперь священник был далеко не так уверен, что действительно хочет умереть на алтаре.

Если он все-таки сделает это, ему будет намного тяжелее.

В этот момент до Камёлё дошел смысл его слов. «Нарушить таинство Далекозерцания?!» Она быстро расшифровала эту слишком возвышенную риторику: зүрёгал пришел, чтобы выведать содержание какого-то межпланетного разговора, состоявшегося в подземельях храма. Священник не может допустить утечки информации, так как это могло подорвать доверие к

Церкви, но в то же время он не может противиться приказам Собора. Удовлетворить обе позиции невозможно: в итоге одно он выполнит, а за нарушение другого заплатит жизнью. Предатель поплатится за предательство, Церковь останется чиста. Камёлё задрожала. «Рё Аккүтликс, что я натворила?! – мелькнуло в ее голове при взгляде в его глаза, в которых теперь отчетливо отражалась тревога. – Ему ведь не позволят уйти, даже если он захочет».

Она взяла его за плечо.

– Какую тайну ты должен был открыть? – спросила она мягко.

– Я это сделал! – забормотал священник.

Он сбросил с себя ее руку и уткнулся кровоточащим лицом в ладони.

– Я это сделал! – выкрикнул он в полном отчаянии. – Великий Аккүтликс, дай мне искупить мою вину!

На ее вопрос он, конечно, не ответил, но Камёлё и не рассчитывала на это. Она не сомневалась, что зүрёгал получил свою информацию – и до нее теперь так просто не добраться. Протонация подземелья вновь безопасно закрыта, и священник уже не заговорит ни с кем, кроме зүрёгала. Однако она была глеевари. Ей вполне хватило мимолетного фрагмента его воспоминаний, который она успела заметить.

То, что она увидела, выбило ее из колеи.

Пока она пыталась переварить эту вспышку образов, из глубины храма до нее вдруг долет протяжный, глубокий, ледяной и темный звук труб.

Священник опустил руки и не дыша вслушивался.

– Он зовет меня, – хрипло произнес он. – Голос Аккүтликса, ты не слышишь? Он зовет меня к себе.

Но она слышала. Совсем скоро придут, чтобы увести его.

Священник обернулся на звук. Он впился в дверь взглядом, полным ужаса и надежды.

«Аккүтликс, неужели это действительно твоя воля? – мысленно спрашивала Камёлё. – Неужели ты никогда не захлебнешься в этом море крови? Никогда не насытишься?!»

В глазах ее брата Вёйкирасү были те же экстаз и огонь. Шагая мимо нее по дороге к алтарю, он смотрел на нее, будто не узнавая – с неменяемым, отдаленным выражением: он был уже совершенно в другом мире, наполненный и захваченный знанием, что прямо сейчас он приближается к Богу. Тогда она была на самом дне: в глубочайшей печали, униженная, изможденная постоянными допросами и закормленная упреками, что до той же ситуации она довела и своих отца и брата – оба были невинны. Смерть их отца произошла из-за отказа сердца, когда он узнал о ее якобы *предательстве*. А Вёйкирасү решил принести себя в жертву на алтаре, чтобы это же *предательство* помочь искупить. Но именно тот взгляд пронял ее глубже всего. Ей до сих пор становилось плохо от воспоминания о преданности Вёйкирасү... о его равнодушии к несправедливости и смерти.

– Беги со мной, – сказала она священнику. – У тебя последняя возможность. Беги *сейчас*.

Он посмотрел на нее, и в его глазах уже не было и следа неуверенности – осталось лишь возмущение.

– Отступи, искусительница! – вскрикнул он. – Отступи!

Он вдруг бросился к ней, поднял окровавленные руки, сжал ее лицо в руках и впился взглядом в шрамы на ее носу.

– Я вижу! Вижу! – закричал он. – Ты сама отказалась от смерти! Сама трусливо сбежала от судьбы! И искушаешь меня последовать за тобой?! Да обрушится на тебя гнев! Проклинаю тебя!

Камёлё вырвалась из его рук. Его крик мог услышать кто угодно – в ближайших кельях еще оставались опаздывающие. *А где, собственно, зүрёгал?!* Она подняла глаза к окну: при помощи левитации, конечно, туда попасть легко, но применять настолько заметные психотронные действия – это все равно что позвонить зүрёгалу по нетлогу, чтобы он за ней пришел.

Коридор же был пуст. Камёлё выбежала и закрыла за собой дверь. *Теперь нужно скрыться от всех взглядов.*

Вдоль ряда келий она тихо бежала на следующий этаж. На пути встретилось несколько священников, но пока ее никто не разыскивал, а сама она находилась в состоянии *глееваринской невидимости*, потому ее просто никто не заметил. Ей нужно было попасть к подножию лестницы, ведущей в нижнюю башню, – там была стеклянная галерея, с которой можно было перелезть на карниз.

Пока тревогу никто не поднял. Священник после ее ухода, очевидно, погрузился в молитвы и раздумья, а такие материальные и мирские вещи, как погоня за чужаками, ему в голову даже не приходили. Может, ей удастся отсюда исчезнуть так, чтобы никто не заметил. *И все же, где зүрёгал?!* Только это не давало ей покоя – что о нем ничего не известно. А вести поиски в протонации она не решалась.

В галерее было много окон, на одно из которых Камёлё легко забралась. Открыв его, она прыгнула на подоконник.

– Стой! – крикнул кто-то с другого конца коридора.

И побежал к ней.

«Теперь мы знаем, где зүрёгал», – ухмыльнулась Камёлё мысленно. Она узнала его по голосу, но соблюдала осторожность, чтобы не повернуться к нему лицом. Техники невидимости ее, конечно, от глееварина не спрячут, но вполне могут его запутать. Даже настолько, чтобы он ее не узнал.

Камёлё схватилась за верхнюю часть окна, вылезла на стеклянную крышу галереи и встала на ноги. По раме пробежала на сланцевую крышу. Перескочила через нее и побежала к следующей башне. С помощью левитации она удерживала равновесие, однако следила за тем, чтобы использование глееваринских навыков было незаметным. Зүрёгал не должен был узнать, что она тоже глеевари, – в таком случае проще было дать ему визитку со своим именем. На всей *Öссе* глееваринов было едва ли несколько сотен. Конечно, они получали разнообразные корреспондентские задания во Вселенной, но она сомневалась, что среди десятков тысяч *ösсеан*, разбросанных по Солнечной системе, их наберется больше двадцати-тридцати. Если зүрёгал о ней узнает, для него будет смехотворно легко идентифицировать ее.

Пока он только высовывался из окна, Камёлё удалось забраться на ближайшую верхушку крыши и исчезнуть за темной стеной башен. Она бежала дальше по периметру храма. Почувствовала порыв в мыслях. Зүрёгал преследует ее – и вместо того, чтобы, как она, демонстрировать подтягивания и прочие сомнительные гимнастические приемы, он держится в воздухе чистой левитацией. Камёлё не стала ждать, пока он начнет ее искать в протонации, и оставила на его пути иллюзии. Тут же она почувствовала, как их пристально исследует его сознание. Он остановился на крыше и смотрел по сторонам. Но не мог ее найти.

Чтобы ее преследовать, он должен был решить, идти по периметру вправо или влево. Камёлё не ждала, пока он разрешит эту жестокую дилемму. Она подбежала к месту, где край храма близился к другому земному зданию. На его фасаде была пожарная лестница. Под прикрытием пятна в протонации Камёлё разбежалась, перепрыгнула несколько метров между зданиями, ухватилась за перекладину лестницы и немного затормозила падение левитацией. Если ты не подвержен головокружениям, этот метод вполне незаметен.

Особенно если следы можно скрыть за очередной иллюзией.

Она слезла к ближайшему аварийному выходу, открыла дверь и пробралась в здание. И оказалась в коридоре, где были двери офисов. «Рё Аккүтликс, – думала она с недоумением. – Разве здешних работников не отвлекает крик боли из соседнего здания?» Но, судя по всему, здесь работали почти одни *ösсеане*, каждый из которых иногда вставал из-за компьютера и в обеденный перерыв заходил в храм, чтобы вдохнуть немного крови и грибов. Камёлё проскользнула по коридору никем не замеченная. После стольких лет на Земле она умела скры-

ваться и от камер видеонаблюдения. Долго не задерживаясь, она спустилась на лифте на первый этаж и через главный вход вышла на совершенно другую улицу.

Камелё жила неподалеку в маленькой квартире на окраине ёссенского района – две миниатюрных комнаты, но какое-никакое личное пространство. Легкими шагами она побежала и через несколько минут уже была на месте. Ей хотелось только переодеться и снова выйти. Если зүрёгал будет ее искать и использовать при этом протонацию, безопаснее быть среди людей на открытом пространстве, чем оставаться дома и притягивать его внимание четкими мыслями в тишине и одиночестве.

Она молниеносно ополоснулась и надела коктейльное платье и туфли. На лицо нанесла блески, чтобы совсем не походить на ту девушку в штанах, которая несколько минут назад бегала от зүрёгала по крышам. Глееварин, конечно, узнаёт людей не по внешности, но нельзя пренебрегать основным правилом безопасности. Нельзя пренебрегать ничем. И в ближайшие дни ей придется потрудиться, чтобы оставаться незаметной.

Ей казалось, что та ужасная вещь, которую она уловила среди мыслей лардöкавöара в мимолетном мгновении слияния, звенит в ее голове как колокол.

Глава шестая

Чужая территория

Пинки ненавидела телефонные звонки. Ей претило вот так, без предупреждения, ворваться своим голосом и лицом на дисплее к кому-нибудь на работу или домой. Как вообще можно начинать с кем-то разговор, не зная, что на том конце провода происходит и какое царит настроение? Ее пугало, что она может потревожить в неподходящий момент: за обедом, во время встречи или полового акта, посреди прекрасного фильма или во время ссоры. Тот, кого она побеспокоит, будет злиться по праву. Она знала, что подобные опасения глупы и что она, скорее всего, единственная в целом Всемирном союзе, у кого такие проблемы с чужой приватностью, но это ничего не меняло. Для нее каждый звонок представлял собой полчаса мучительной подготовки, а затем, едва раздавался сигнал, наступало худшее – те несколько мгновений, пока человек на том конце не начнет говорить. Это было хуже, чем прыжок в неизвестность на новой плазменной трассе, карты которой у нее нет.

Прежде чем позвонить Лукасу, она собиралась с силами целое утро, и после всего этого он ответил лишь, что сейчас на встрече и даже не знает, до которого часа придется остаться на работе, «пока, всего хорошего». Скорее всего, он предполагал, что если Пинки хочет сказать что-то важное, то просто перезвонит вечером – но два звонка в один день были выше ее сил. Первоначальная уверенность – то есть встретиться с ним и сказать о том письме независимо от того, подходящее сейчас время или нет, – быстро ее покидала.

Было девять часов вечера. Она как раз решила, что уже все равно поздно, да и утренней попыткой она сделала достаточно для своей совести, как вдруг пикнул ее нетлог. Это совсем другое дело. С принятием звонков у Пинки проблем не было. Она была готова сделать что угодно для кого угодно в любое время дня и ночи.

Она взяла трубку в комнате. На большом дисплее на стене появилось лицо Лукаса.

– Так что ты хотела, Пинкертинка? Тебе что-то нужно? – Он, очевидно, тоже думал, что друзья звонят ему, только когда им что-то от него нужно.

Прямо сейчас он ехал домой – Пинки видела мигающие огни за окнами такси. Заметила она и то, чего на маленьком дисплее нетлога в виде браслета точно не было бы видно: Лукас выглядел невероятно усталым. Это лишило ее остатков храбрости.

– Ничего важного, – поспешно убедила она его. – Просто хотела спросить, что ты там делаешь, ну и...

Она закусила губу.

– Понял. Ты просто хотела поболтать, – произнес он совершенно нейтральным тоном.

Пинки быстро кивнула, счастливая, что он поверил, но тут же заметила его ухмылку, и ее уверенность пропала.

– Знаешь что? Совершенно случайно у меня есть время сегодня вечером, но сложно сказать, сколько его будет потом, – легко продолжал он, пока она не начала что-либо объяснять. – Как насчет зайти куда-нибудь выпить?

Это было заманчиво само по себе, но именно страх заставил ее тут же кивнуть в ответ – страх, что если она упустит эту возможность, то следующую уже так просто не получит. У Лукаса куча работы – это ясно. Это дело с Советом и колонистами во всех новостях. А что, если он в конце концов улетит на Д-альфу? Эта мысль была ужасна – тем более что прямо противоположная мысль о том, что страшная ноша в виде письма наконец может исчезнуть из ее коробки с фотографиями, была так притягательна!

– Раз ты предлагаешь, – выдала она.

– Прекрасно. Заеду за тобой. Я знаю один замечательный ресторан...

– Лукас, – пискнула Пинки.

Воспоминание, преследующее ее весь день, не отставало.

Он воспринял это как сомнение.

– Ну, не заставляй себя уговаривать, Пинки! – перебил он ее с улыбкой. – Когда еще при твоём аскетичном образе жизни ты выпьешь хорошего вина? Одевайся и пойдём!

– Нет, я... Я только... – выдавила она.

Она не хотела вина. В ее мыслях был другой вкус, давний, из воспоминаний. *Неописуемый аромат*. Даже столько лет спустя она чувствовала его во рту.

– А ничего, если мы...

Он выжидающе смотрел на нее. Пинки поняла, что причин для смущения на самом деле нет.

– Было бы странно именно с тобой идти в винный ресторан, – сказала она. – Это пустая трата времени. Не пойти ли нам лучше в ёссенскую чайную?

Казалось, его это удивило.

– Ты бы хотела туда пойти?

– Хотя бы посмотреть. Я никогда в жизни не была в таких местах.

Лукас недоуменно покачал головой.

– Это женское любопытство! – Казалось, что он хорошенько задумался, но в итоге пожал плечами. – Как хочешь. Для меня будет честью помочь своей даме расширить горизонты... хотя потом мы, возможно, с радостью забежим в тот винный ресторан.

– Неужели их чай так тебе не нравится?

Лукас посмотрел на нее, будто не верил собственным ушам. И рассмеялся. Это был искренний смех, никакой иронии – такого она не слышала от него уже многие годы.

– Ну ты даешь, Пинки!

– Что в этом смешного?

– Хватит издеваться! – Он не переставал смеяться. – Чай! Не нравится! *Мне!*

Он потряс головой.

– Хотя, с другой стороны, хорошо, что ты в таком приподнятом настроении. – Смех еще звенел в каждом его слове. – Это будет интересный вечерок.

В этот момент Пинки поняла, что случилось какое-то принципиальное недопонимание. Она не знала чего-то, что должна была знать, и это была настолько базовая информация, что Лукасу даже в голову *не пришло*, что она ею может не владеть. «Неужели ёссенская чайная – это что-то совсем иное, чем просто... чайная?» Но раньше чем она решилась на маневры отступления, Лукас просто сказал:

– Ну, давай, через полчаса я у тебя, – и прервал связь.

Она вздохнула. *Интересный вечерок?! Пинки казалась себе тем странным человеком, который отправился на кладбище в надежде найти там клад.*

* * *

Такая женщина, как Пинки – соответствующего нрава и соответствующего возраста, – способна одеться для вечера в течение нескольких минут. Правда, в свои шестнадцать она тоже простаивала у зеркала, чтобы оправдать шутки о женщинах и восполнить какую-то таинственную биологическую необходимость, однако в те годы она все решила раз и навсегда и с тех пор ей не приходится тратить время на это. Пинкертину Вард выяснила, что сливово-синий – это именно ее цвет, потому в шкафу было единственное универсальное праздничное сливово-синее платье проверенного временем фасона, единственные туфли проверенной модели и единственная губная помада проверенного оттенка. Иногда она их заменяла новыми, но других вариантов не рассматривала. Десять минут до приезда Лукаса она провела перед совсем другим шкафом.

Пинки открыла дверцы, взяла из коробки с фотографиями письмо отца Лукаса и бросила в сумочку. Затем снова вытащила. А потом сунула обратно. Сейчас у Судьбы был отличный шанс себя проявить, так как только от нее зависело, в какой фазе метаний позвонит Лукас. Дело не в том, что Пинки вообще не хотела передавать письмо. Была еще одна маленькая проблемка.

Сейчас, в тридцать три года, она бы точно ничего подобного не сделала. Но тогда ей было шестнадцать, и она была безумно, безнадежно – и совершенно бессмысленно – влюблена в Лукаса Хильдебрандта. Загадка, которую он из себя представлял, не давала ей покоя. Как и загадка, которой был маленький прямоугольник мицелиальной бумаги. *Что ему может написать отец?!*

Она открыла письмо.

Пинки думала, что найдет в конверте микрод с голографической записью. Или даже еще один лист бумаги с письмом, написанным от руки или напечатанным. Конверт не был подписан, потому она решила, что вместо разорванного может просто положить в новый и никто не заметит. Конечно, она не подозревала, каким образом пишут письма оссеане, и это было роковой ошибкой. В таких обстоятельствах она была обязана об этом знать.

Ну, теперь она знала. Они берут длинную полоску бумаги, на которой пишут письмо, а затем четко определенным образом складывают и склеивают. Она до сих пор вспоминала свой шок, когда поняла это. Никакого конверта. Ничего, что можно бы было заменить. И ничего уже не сделать незаметно, когда письмо разорвано на две части. Если она однажды захочет отдать это письмо, то придется признаться, что из любопытства ей хотелось его тайно прочитать. И более того...

Более того, ей это ничего не дало. Этот случай надавил на ее совесть, но нисколько не удовлетворил любопытство, потому что письмо определенно было написано не на том языке, который она могла бы понять. Можно было и раньше подумать – она ведь видела книгу, по которой Лукас учит оссенские знаки, и было совершенно очевидно, что профессор Хильдебрандт ими тоже владеет. Много ума не надо, чтобы понять, что в распоряжении отца и сына есть идеальный тайный язык, которым было бы грех не воспользоваться. Но она как полная дура совершила все ошибки, какие только могла, одну за другой, от основной до мельчайших.

Пинкертину раздобыла мицелиальную бумагу, тушь и перо, и попыталась переписать письмо, но оказалось, что это еще тяжелее, чем выглядит. Она не знала, какой из этого хаоса значков важен – какая точка или толстая черта действительно что-то значит, а какая случайна. Так как системой она не владела, подделать письмо ей не удалось, даже когда она пыталась обвести его через подсвеченное стекло. Полное фиаско.

Но у нее был еще шанс – если бы она пришла на кафедру к профессору Хильдебрандту и во всем призналась. Она решалась три года, тысячу раз себя убеждала, что он не такой уж жуткий, как кажется, и у него нет причин ее обижать. Ведь ничего страшного не случилось. Профессор просто перепишет письмо и доверит его кому-нибудь более надежному.

Потом Пинки узнала, что он умер.

Она почти рвала волосы на голове. Он опередил ее решительность всего на пару дней!

Вскоре ей пришлось в голову, что она может сама начать учить оссеин и наконец расшифровать письмо. И оказалась не такой уж безнадежной. Возможно, Пинки делала глупые ошибки, но в академическом смысле способностей ей хватало; более того, в жизни она не раз проявляла значительное упорство, когда речь шла о часах усилий, посвященных соразмерно осмысленной цели. Выбранное для этой попытки время тоже не было таким уж странным, и смерть профессора с ним была тесно связана. Оссеин имел репутацию невероятно сложного языка, что всех отпугивало, так что ему почти не учили в языковых школах. Если бы Пинки искала курсы прежде, то вполне могла бы оказаться прямо на кафедре Хильдебрандта – а значит, и на коврик в его кабинете.

В учебнике она дошла до двадцать четвертой лекции, но только благодаря тому, что пролистала первые двадцать три, где речь шла о каких-то «вспомогательных определительных значках», что ей не показалось важным. Лекция № 24 начиналась классически: картинкой с двумя героями – землянкой и оссеанином. Под каждым был значок на оссеине, транскрипция латиницей и перевод на терронский.

«Эта девушка – студентка. Ее зовут Анна. Этот парень – жидкий металл во тьме. Его имени нет».

Именно так там и было написано. На этом Пинки закончила. Как можно это учить, если она даже не понимает перевод на свой родной язык?

Кроме того, она прочитала предисловие профессора Хильдебрандта, откуда узнала, что, кроме оссеина обыкновенного, на котором говорят в быту и которому посвящен данный учебник, существует еще три типа древнего храмового языка, которые используются в определенных периоды литургического года или в определенных обстоятельствах, а из них самый сложный и эзотерический – так называемый оссеин корабельный. С тех пор она не сомневалась, что письмо написано именно на корабельном оссеине, и это была самая веская причина, почему она бросила все это дело. Зачем учить обычный оссеин? Для ее целей его не хватит.

Да и к чему все попытки разгадать письмо? Лукас все равно бесконечно далеко.

Пинки отпраздновала двадцатый день рождения и лишилась девственности в спальном мешке с одним плазмолыжником с артисателлита Солунь-3 – это был красивый парень, но другие его черты она узнать не смогла, потому что больше его никогда не видела. В том же году она выступила на олимпиаде и заняла двадцать шестое место. Она убеждала себя, что в следующий раз будет лучше, но на самом деле именно в этот момент все ее жизненные успехи остались позади. Пинки начала изучать административное право и маркетинг – особого удовольствия это не приносило, и даже представить было сложно, что она действительно будет этим заниматься, но родители говорили, что это перспективно, потому она приняла мысль, что однажды станет секретаршей (которая отважно передает шефу телефонные звонки), так же, как и до этого приняла мысль, что будет профессионально заниматься лыжами. Грустно, что родители с младшей сестрой вскоре уехали. Валентина и Фредерик Вард были профессиональными плазмолыжниками, но давно закончили спортивную карьеру и посвятили себя акробатике. Им пришло интересное предложение с Эридана. С Кристиной проблем не было, она легко могла перейти в другую консерваторию, но родители сомневались, забирать ли с Земли Пинкертину, которая только начала учиться в университете. Пинки убеждала их, что справится и одна. Не могла ведь она стоять на пути их карьеры. И как она могла поехать с ними на Эридан, когда дома в ее шкафу лежит такое письмо? Она совершенно не сомневалась, что должна остаться на Земле. Пинки прекрасно справится без них. Ведь она уже почти совсем взрослая.

На следующий день после ее двадцать первого дня рождения родители и сестра помахали ей в зале аэропорта на прощание, и с тех пор она видела их от силы раз в году. Пинки действительно осталась одна. Грета вышла в первый раз замуж, и с ней невозможно было говорить, Пол Лангер выигрывал на Марсе одно соревнование за другим, Ник изучал право. Лукас уже давно не участвовал в гонках, но был на короткой ноге с администратором плазмоцентра, который разрешал ему кататься вдоволь по профессиональной трассе, куда никого, кроме членов команды, не пускали. Благодаря этому Пинки виделась с ним, но общались они в спешке и недолго. У Лукаса было мало времени: он изучал астрофизику, писал в Медианете комментарии о политике, прилично зарабатывал переводами с оссеина, и за ним бегали толпы девушек. У Пинки все равно были свои заботы. Ее лучшая подруга, олимпийская чемпионка Донна Карауэй, недавно погибла на плазменной трассе. Против этого вся суматоха с письмом выглядела просто *смешно*.

Но, возможно, благодаря этому Пинки намного чаще размышляла о том, что происходит вокруг. Она впервые задумалась, что способ передачи информации, который выбрал отец

Лукаса, как минимум... необычный. Джайлз Хильдебрандт мог все устроить гораздо проще и официальнее: через адвокатов, защищенный почтовый ящик или Медианет. Мог, наконец, написать в своем завещании! Но вместо этого он выбрал обычную, не слишком надежную девушку. Ничем, несмотря на все успехи, не примечательную. Серую мышь, у которой такое письмо никто бы не искал. Может, она была не так ненадежна, как ей самой казалось. Что, если он *ожидал*, что она откроет письмо? Ему вполне могло быть все равно, так как язык текста был сам по себе отличной защитой. Возможно, он знал и то, что Пинки ничего серьезного для расшифровки не предпримет. Не играло роли, какими были ее замыслы – считалось только то, что по факту она не сделала ничего. Вероятно, он разгадал ее намного лучше, чем она думала.

По этой причине после трезвых размышлений она отвергла очередную идею – найти какого-нибудь оссеанина или хотя бы отдать письмо на перевод. Она вдруг четко осознала, что в нем могут быть вещи не только личные, но и *небезопасные*. Она положила его в коробку со старыми фото и спрятала глубоко в шкафу.

А потом...

Потом она просто забыла о нем.

Всегда получится, если сильно захотеть.

* * *

Лукас посадил ее в такси и выбрал на интерактивной карте место в районе на окраине, где Пинки никогда бы не искала чайную.

– Ну, вперед, на территорию врага, – проронил он и с улыбкой устался в обитое сиденье возле нее.

Это замечание никак не успокоило Пинки. «Я должна была его послушать и согласиться на винный ресторан», – звучало у нее в голове, пока автоматическая кабина поднималась в воздух. Но такси уже гладко входило на верхний уровень, где было налажено быстрое движение для поездок на дальние расстояния, и встроилось в полосу над крышами зданий. Пинки рассудила, что уже поздно, и поддалась судьбе. В конце концов, это не могло быть настолько страшно. Хоть Лукас и показывал всем своим видом, что идти в оссенскую чайную немного странно, он все же без колебаний ее туда вел, потому идея уже не казалась такой провальной. Кроме того, если она не использует эту возможность, когда еще ей удастся посмотреть на подобное место? Сама она вряд ли рискнула бы идти куда-то, где в меню не разобрать даже *вспомогательных определительных значков*.

Но прежде всего...

«Прежде всего, я надеюсь, что, выпив этот чай, обрету каким-то чудом храбрость», – допустила она мысленно. Письмо лежало в ее сливово-синей сумочке, спрятанное на самом дне. Она все еще не знала, что в итоге с ним сделает.

– Чем, собственно, оссенская чайная отличается от нашей? – произнесла она от полной беспомощности, пока такси мчалось высоко над ночной улицей.

– Там оссеане, – сообщил Лукас. – И их там *много*. Немного некомфортно, если не привык. Но, как я всегда говорю, хорошее вино поможет. Если что, нам есть куда бежать – адрес винного ресторана я не забуду.

Пинки не понимала, о чем он говорит. Вообще. Боже, в какую авантюру она ввязалась? В ней усиливалась неподдельная тревога.

– Ну уж нет. Сначала чай! – объявила она с решимостью, которой совершенно не испытывала.

Чувство самосохранения ей велело поддерживать беседу любой ценой, потому что только так она может получить мельчайшие крупинки информации.

– Так какой он, чай?

– Я бы сказал, он совершенно обычный, потому что я пью его с детства, но это, как и *трёигрй*, дело привычки, – признал Лукас. – Конечно, это вообще не чай. На Ёссе чайные деревья не выращивают. Там делают отвары из всего подряд, и лучше большинство из них не изучать.

Пинки принужденно засмеялась:

– Отвар из толченых червей?

– Ты сама это сказала! – запротестовал он. – В основном это грибы. Тебе бы понравилось *суррё* – это такое божоле из грибов, но сомневаюсь, что оно там будет. Его можно раздобыть в duty free в аэропорту, но только в определенное время года. Без суррё не обходится ни один ёссенский праздник.

– Суре я пила у Софии.

На губах Лукаса все еще играла улыбка.

– Это другое! В таком случае тебя не удивят сомнительные напитки.

– А некоторые виды их чая я знаю от... – начала она.

Но в горле встал ком, и ее голос затих. Она *хотела* ему сказать, правда. Все, насколько это возможно, и лучше раньше, чем они доедут. Но в последний момент она лишилась смелости.

Так как разговор был несерьезный, Лукас сразу же заметил ее сомнения. «Неужели он всегда начеку?!» Пинки поймала на себе блеск его взгляда, и кровь прилила к ее щекам.

– Потому что они продаются в гипермаркетах, – пробормотала она с огромным усилием.

Посмотреть на Лукаса она не осмелилась.

– Это, конечно, так, – сказал он безучастно.

На этом они закрыли тему напитков и начали обсуждать ёссенскую кухню.

Чуть позже они покинули такси и оказались на спокойной улице, неожиданно заканчивающейся проволочной изгородью, за которой растянулась полоса травы под одним из городских шоссе. Обычный кабинный транспорт располагался в прямоугольной сети плазменных коридоров над крышами домов, но это не распространялось на грузовики и скорые поезда дальнего следования. Из соображений безопасности их трассы не должны были пролегать над зданиями, потому под ними оставались незастроенные зоны – буквально дорожки – тут и там прерываемые башнями радиоточек с системой стрелок и полос для ускорения. Достаточно поднять голову, чтобы увидеть на высоте двухсот метров переливающуюся разными цветами скоростную дорогу, а на ней, как валики, пассажирские и грузовые поезда, бесшумно курсирующие поперек неба между Н-н-Йорком и ближайшим поселением Н-м-Гаага.

Но Пинки не обращала внимания на скоростную дорогу. В смешанных чувствах она смотрела на вход в чайную, на каменную арку, подсвеченную во тьме синим пламенем ламп. Дверь была обита стальными пластинами.

Лукас подождал, пока такси оторвется от земли, а потом наклонился к ней.

– Я кое-что тебе скажу, Пинки, – сказал он приглушенным голосом. – Я считал, что ты знаешь, но, слушая тебя, начинаю в этом сомневаться.

Помолчал.

– Когда мы зайдем, старайся никому не смотреть в глаза.

Пинки уставилась на него.

– Чего?!

– Ты когда-нибудь видела ёссеанина без очков? Хотя бы на фотографии? – терпеливо спрашивал он. – Знаешь, какие у них глаза?

– Да, но...

– *Не смотри в них*, – повторил он. – Я совершенно серьезно.

От его тона у нее пошли мурашки по телу.

– Почему? – пискнула она.

– Просто традиция. Местный фольклор.

Уголки его губ растянулись, но это была совсем не веселая улыбка.

– То есть я должна все время смотреть в пол?

– Да нет. Можешь смотреть по сторонам. Просто не ищи зрительного контакта. – Он заколебался. – Не стоит это недооценивать, Пинки. Как только ты попадешь в *tréigríj*, отвести взгляд станет действительно сложно.

– Раз они так опасны для людей, почему... – вырвалось у нее.

Но в последний момент Пинки осеклась. «Почему мы их здесь терпим? – хотела она сказать. – Почему мы их вообще сюда пустили?» Но тут же сама себе ответила. «Потому что нам нужны их технологии. Потому что, даже если мы захотим, мы не сможем их отсюда выгнать. Потому что мы любопытны – как и я сейчас».

Лукас встряхнул головой.

– Опасность происходит лишь от незнания, – произнес он. – Достаточно придерживаться конкретных принципов, и с тобой ничего не случится. Если к тебе кто-то обратится, даже по-терронски, ничего не отвечай, склони голову и молчи, насколько это возможно. Даже если тебе будет неприятно. Ни в коем случае не кричи и не убегай. Если мы вдруг разделимся и с тобой это случится, просто уткнись лицом в стол, положи руки за голову – вот так – и читай себе какой-нибудь стишок, пока я не приду. Хорошего впечатления ты на них не произведешь, но они оставят тебя в покое.

Когда Лукас увидел выражение ее лица, то добавил в свою улыбку пару капель ободрения.

– Ты сможешь! На каждом соревновании ты рискуешь гораздо больше, чем сейчас.

Он повернулся и направился к железным воротам.

Она схватила его за руку.

– Лукас!.. Это правда так серьезно?!

Он посмотрел на нее с удивлением.

– Боже, а ты чего ждала?

– Приятно посидеть в чайной?.. – проронила она.

Он закатил глаза.

– Пинки, Пинки... – вздохнул он.

Покачал головой, обхватил ее за плечи и открыл стальную дверь.

* * *

Чайная на первый взгляд ничем не отличалась от земной. Преобладали металл и керамика, пол был покрыт рассыпанными камешками, но шестиугольные столики со скамейками в отдельных боксах были точно такими, как представляла себе Пинки. Тут она поняла, что и это вопрос привычки. Ёссенский стиль был так узнаваем на Земле, что уже не производил впечатления экзотики.

Чего нельзя было сказать о самих ёссеанах.

Как и предвидел Лукас, в чайной их в это время было *действительно много*. Первым был вышибала в капюшоне и темных очках, который остановил их на входе – он обратился к ним по-терронски, но Лукас ответил на ёссеине, чего было более чем достаточно, чтобы без дальнейших расспросов пустить их внутрь. Пинки с блуждающим взглядом шагала в темноте, полной иссиня-серых лиц.

Конечно, она уже не раз в жизни видела ёссеан – и не только на фото. Но, как она только что поняла, и правда никогда не видела ни одного из них без солнечных очков – даже в дождливые дни. Они не показывали своих глаз землянам. Это довольно незаметная мера, которую никто не скрывал, но в то же время никто не заострял на этом внимания. Пинки не могла вспомнить, чтобы в Медианете хоть раз упоминались какие-либо особенности ёссенских глаз.

Об ёссеанах вообще мало говорили. Что было странно в государстве, где действовал Закон о передаче информации и где медианты представляли собой мощную политическую силу.

«Они заботятся таким образом о нас или о себе?» – задумалась Пинки.

Она чувствовала странные мурашки, покрывающие ее спину, и совсем не была уверена, что это обычный страх. И, даже руководствуясь советом Лукаса, она не могла не заметить, что здесь, среди своих, ёссеане не беспокоятся об очках.

Едва они сели за столик, к ним направилась официантка с подносом.

– Это просто чистая вода. По традиции она должна быть на столе перед каждым приемом пищи, – тихо информировал ее Лукас.

Когда ёссеанка подошла к ним, он поднял глаза и обменялся с ней парой непонятных фраз. Пинки тем временем схватила стакан и жадно его осушила. Ёссеанка мгновенно долила воду, поставила перед ней целый кувшин и ушла.

– Она сказала, что на южных островах уже начался сбор урожая, потому первое суррё появится на Земле где-то через три недели, – произнес Лукас с едва сдерживаемым смехом. – Так что сегодня у нас репетиция ужина, а потом мы вернемся без подготовки – что скажешь?

– Прекрасно, – выдавила Пинки.

«Никогда больше, – думала она. – Никогда, никогда». Всем сердцем она искренне жалела, что ей пришла в голову безумная идея прийти именно сюда. Она выпила второй стакан воды и старалась не думать о том, что ее наливали сами ёссеане. «Пусть этот трупный иссиня-серый цвет, какая разница! Это ведь нормально. Инопланетяне – такие же люди, как мы. Вполне такие же люди, как мы».

Наконец она осмелилась поднять глаза примерно на шестьдесят градусов. Она надеялась, что улыбка Лукаса ее ободрит, но вместо этого встретила его задумчивый взгляд.

– Что именно тебя интересует в Ёссе, Пинкертинка? – спросил он.

Она закусила губу. Вопрос застал ее врасплох.

– Я... только... ничего особенного... – выдавила Пинки. – Правда.

Лукас в нетерпении тряхнул головой.

– Ты хотела о чем-то со мной поговорить, не отпирайся! И это как-то связано с Ёссе. С кем-то другим я бы и дальше болтал о еде и позволил бы ему самому искать подходящий момент, но мы с тобой так давно друг друга знаем, что я могу спросить начистоту, правда же? Боже, Пинки. Я ведь хочу тебе помочь. Совсем не хочется применять на тебе тактические маневры. Я всегда ценил твою искренность.

Эта речь испугала ее до смерти. Она была благодарна, что он угадал, что подначивает ее, и в глубине души надеялась, что он беспощадно выдавит из нее правду – но вместо этого он выказал свое доверие и таким образом возложил на ее плечи невыносимо тяжелый камень свободы выбора. Что она могла ответить? Только молчать, молчать, молчать... Она не могла представить, как можно отважиться именно его, еще верящего в ее искренность, лишить иллюзий.

А вот возможность хранить эту тайну вечно она прекрасно могла себе представить.

– Это не так уж важно... – поспешно бросила она. – Но, когда мы говорили о винном ресторане, я просто... просто вдруг вспомнила об одном ёссенском чае.

Она замолкла. Этот компромисс был лишь наполовину правдой: он не был слишком близок к тому, что ее обременяло, так что она могла не бояться, и в то же время не слишком далек, поэтому у нее оставалась надежда.

– Все время думаю, что где-то на него наткнушь. Он был такой... такой... Ни с чем не сравнимый.

Лукас выжидающе смотрел на нее.

– Боюсь, при своем недостатке воображения я не узнаю его по такому смутному описанию.

– Однажды я пила его у вас дома... – призналась она.

И сразу начала краснеть, за что в душе себя корила. «Ну что ж, – рассудила она стоически. – Раз правда не может быть полной, пусть будет хотя бы щепотка хваленой искренности».

– Я пришла к тебе, уже не помню зачем, но тебя не было. И твой отец пригласил меня выпить чаю.

В глазах Лукаса что-то зашевелилось. А через мгновение полностью окаменело.

– Да? – переспросил он. – Давненько это было, должно быть. Какое же впечатление это на тебя произвело, раз ты до сих пор помнишь!

Был ли в его голосе налет язвительности, или ей только показалось?

– Я не ищу специально, совсем нет, – защищалась она. – Понятия не имею, почему я вдруг об этом вспомнила! Просто иногда чувствую этот вкус во рту, когда вижу где-то ёссенский чай. Иногда я даже покупаю его, но тот самый все никак не найду. Жаль, что я не спросила у профессора, как он называется.

Лицо Лукаса было непроницаемым.

– Ты уже давно могла спросить меня.

– Но я думала, что ты разозлишься! – отчаянно выпалила Пинки. – И была права!

Он тихо засмеялся.

– Я не злюсь, Пинки, – сказал он. – Совсем.

Лукас облокотился на деревянный поручень, который весьма удобно обрамлял все сидячие места, и положил голову на руку.

– Я даже помню, когда это было: лето, жара, потому что потом я... – Она замялась.

– В общем, перед каникулами, – заключил он.

Пинки понимала, что каникулы никак не относятся к тому, о чем он вспомнил, но также она понимала, что ничего больше он не скажет.

Они погрузились в молчание. Пинки чувствовала на себе его пронизательный, испытующий взгляд. А пока она ждала, когда он элегантно маневром переведет разговор на другое, старалась решить, чувствует ли она от упущенной возможности передать письмо угрызения совести или облегчение. Но он ее удивил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.